

ВИКТОРИЯ КАРМАНОВА

ЦИКЛ "СПИРАЛЬ"

ОСКОЛКИ РАССВЕТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Спираль

Виктория Карманова

Спираль. Осколки рассвета

«Автор»

2026

Карманова В.

Спираль. Осколки рассвета / В. Карманова — «Автор»,
2026 — (Спираль)

Нью-Йорк, 1985. Ди Блэк — парамедик и панк, который давно сжег за собой все мосты. Когда-то он был другим: наследником фамилии Баркли и подававшим надежды пианистом. Теперь его мир — грязные улицы Бронкса, вой сирен и группа отморозков, которую он тащит на себе, потому что не умеет спасти себя. Разрыв с семьей. Десять лет молчания. Десять лет, чтобы забыть, кем он был. Но один звонок меняет все. Розмари Стоун — невеста его младшего брата — приглашает его на семейный ужин. Отказаться — струсить. Согласиться — вернуться туда, где каждая нота старого рояля хранит боль, которую он поклялся не вспоминать. Что страшнее: увидеть ненависть в глазах брата или понять, что музыка, разделившая их однажды, все еще звучит в нем?

© Карманова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	36
Глава 4	57
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Виктория Карманова

Спираль. Осколки рассвета

Глава 1

Она влетела в его жизнь яркой вспышкой. Веселым смехом, запахом первых весенних цветов и просто ослепительным светом. Как внезапный рассвет после бесконечной ночи.

Сначала был звонок. Голос в трубке звучал так, будто его хозяйка никогда не слышала о существовании СПИДа¹, крэка² и прочих прелестей этой гребаной жизни.

— Дэниэл Баркли? — произнесла она, растягивая имя, как конфету, и он невольно сжал самодельный гитарный медиатор из старого пенни. «Дэниэл Баркли» — этого имени не существовало с 1975 года. Он оставил его в автобусе Greyhound³, когда сбежал из дома в семнадцать. С тех пор был только Ди Блэк. — Меня зовут Розмари Стоун, я невеста Дереха. Хотела пригласить вас на семейный ужин...

Теперь он стоял под дождем у дома, который напоминал картонную декорацию из мыльной оперы. Пригород. Идеальные газоны, прилизанные вишни у подъездов, и эта дурацкая табличка «Добро пожаловать в Спрингфилд!» — как будто кто-то специально собрал все, что он ненавидел, в одну квадратную милю.

Стояла весна 1985 года. Это была одна из тех фальшивых весен, когда не понимаешь, закончилась зима или еще нет. С неба падал противный снегодождь, под ногами хлюпали лужи, добивая его и так уже прохудившиеся ботинки с рыжими пятнами — то ли ржавчина от амбуланса⁴, то ли засохшая кровь после той перестрелки в Бронксе⁵. Он вспомнил, как Рагнар, хрипя вполголоса, говорил: «Парень, если обувь рассказывает твою биографию — пора новую покупать». Но Рагнар всегда был занудой.

На Бродвее⁶ всю рекламу рекламировали мюзикл «Кошки», а в Ист-Виллидж⁷ бунтовали панк-группы, но здесь, в пригороде, время будто застыло. Даже его пейджер⁸, обычно пицавший как сумасшедший, молчал — будто и этот кусок пластика понимал: в этом кукольном мире не бывает настоящих катастроф.

Поэтому первое, что сделал Ди, когда оказался здесь — со всей дури пнул чертову табличку.

¹ **СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита)** — смертельно опасное заболевание, вызываемое вирусом ВИЧ, которое разрушает иммунную систему человека, делая организм беззащитным перед любыми инфекциями. В 1985 году эпидемия СПИДа в США достигла пика, это было главным страхом и трагедией, особенно для творческой и маргинальной среды. Диагноз часто звучал как смертный приговор.

² **Крэк** — новая и крайне разрушительная форма кокаина, появившаяся в Нью-Йорке в начале 80-х. Его эпидемия захлестнула бедные районы, вызывая взрыв насилия и преступности.

³ **Автобус Greyhound** — крупнейшая сеть междугородних автобусов в США. Традиционный и дешевый способ передвижения для бедных слоев населения и беглецов.

⁴ **Амбуланс** — машина скорой помощи (от англ. ambulance).

⁵ **Бронкс** — один из пяти боро (районов) Нью-Йорка. В 70-е и 80-е годы был символом городского кризиса, нищеты, пожаров и банд. «Южный Бронкс» — самая опасная его часть.

⁶ **Бродвей** — знаменитая улица в Нью-Йорке, вдоль которой расположены десятки театров. «Бродвейский мюзикл» — синоним дорогого, коммерческого, мейнстримного театра.

⁷ **Ист-Виллидж** — район на Манхэттене. В 70-80-е — центр контркультуры, панк-рока и андеграундного искусства, противопоставлявший себя фешенебельному Вест-Виллидж.

⁸ **Пейджер** — карманное устройство для приема коротких сообщений (по нему можно было только прочитать номер телефона или код, чтобы перезвонить). До появления массовой сотовой связи был главным средством мобильной связи для врачей и дилеров.

Братца со всем семейством видеть не хотелось до блевотины. Для них он сдох еще в семнадцать, когда сбежал из дома с одним рюкзаком и парой сотен украденных долларов в кармане. Но любопытство взяло верх: кто эта невеста, которая умудрилась разыскать его в глубинах Ист-Виллиджа, дозвониться, оставить сообщение на автоответчик и, не дождавшись ответа, названивать снова, пока он наконец не сдался и не взял трубку? А потом еще и уговорить его приехать в это царство стерильных газонов и одинаковых рож?

Вариантов было два: зайти и посмотреть, во что превратился Дерек, или развернуться и послать их всех к чертям. Но решение нужно было принимать не сейчас. Они уже здесь. В этом долбаном «райском уголке», где даже весна была ненастоящей.

— Хватит пинать все, ботинки окончательно расхуяришь, — Кайра щелкнула зажигалкой, не глядя. Ее кудри — крашенные в иссиня-черный — слипались от мокрого снега. На шее болтался кулон-ангел с обгоревшими крыльями — память о сестре, что наглоталась таблеток в ванной. — Скотч на твоих дырах уже отклеивается.

Ди брезгливо стряхнул капли с косухи. Эти ботинки, туго перемотанные в двух местах изолентой, пережили три концерта, две драки и одну ночь в участке. Надежнее их был только Рагнар — грубый, как наждак, но всегда прикрывавший спину. «Если передумаешь идти — звони», — бухтел он сегодня утром. Ди не позвонил.

— Может, рванем нахуй отсюда? — Кайра снова щелкнула зажигалкой. — Рагнар вчера пиво притащил. Если, конечно, сам не выжрал.

Она повернулась к нему, и в нос ударил запах — смесь ее дешевого парфюма и вонючих сигарет. Тот же, что висел в воздухе «СВГВ»⁹ два года назад, когда они познакомились.

Тот вечер. Клубящийся дым, вонь пива и аммиака из туалетов. Ди зашел в туалет не за дозой — ему просто нужно было пять минут тишины. У бара Никки, его гитарист и по совместительству лучший друг, уже в третий раз за вечер заводил свой коронный трюк — разобрал «Откровение Иоанна» через призму кокаинового бреда. Его перочинный нож методично выцарапывал в столешнице число 666, пока он хрипел что-то про печати и всадников Апокалипсиса.

В углу туалета, в кабинке с сорванной дверью, лежала девчонка. Короткие, всклокоченные черные волосы слипались на лбу, а размазанная по щеке алая помада резко контрастировала с синевой губ. Рваные леггинсы, жгут на руке. Кто-то уже стащил с нее ботинки, и босые ступни тонули в луже рвоты. Передоз.

Ди на мгновение замер. Эти черные волосы, этот мазок красного... Прямо как тогда. В ванной комнате дешевого мотеля. Липкая кровь на белом кафеле, леденящий холод фарфора под спиной, и только смутный образ: короткие черные волосы, размазанная красная помада. Он не помнил ни ее черт, ни имени, только этот образ — призрак, вытащивший его с того света.

Руки сами полезли во внутренний карман — там всегда лежал шприц с налоксоном¹⁰. Ди тогда очаровал медсестру Дейзи, и она часто списывала для него шприцы из стационара. Он таскал его не для работы — для своих. Чтобы не пришлось еще кого-то хоронить. Вещь важная, когда половина твоих друзей сидят на дури разной степени паршивости.

— Эй, псина! — ее подруга с ирокезом вцепилась в его куртку. — Не трожь! Это ее последняя доза!

Он всадил иглу, не глядя:

— Последняя в гробу.

⁹ **СВГВ** — легендарный нью-йоркский клуб, считающийся колыбелью панк-рока и новой волны (1973–2006). Там выступали Ramones, Blondie, Talking Heads и многие другие.

¹⁰ **Налоксон** — препарат, который используется медиками для временной отмены действия передозировки опиоидами (героин). Вызывает сильнейшую ломку, но спасает жизнь.

Сейчас бы его напарник Томми фыркнул: «Опять геройствуешь в нерабочее время, снежок?» Но здесь, в клубе, он просто очередной панк с татухами. Никто не заподозрит парня в рваных джинсах в том, что днем он носит форму с шевроном EMS.

Руки действовали на автомате — десятки таких же бледных тел в подворотнях, перекошенные лица в амбулансе, крики «дыши, черт возьми, дыши!». Иногда он выигрывал. Чаще — нет.

Девчонка вздрогнула, как от удара током, и вырвала шприц из вены. Ее глаза — черные, расширенные зрачки — метнулись к нему:

— Ты... доктор-недоносок? Или грабитель?

— Просто идиот, — рявкнул Ди, вытаскивая ее на улицу. Ее вырвало прямо на его ботинки. Она укусила его за запястье, но зубы скользнули по коже — слабые, как у щенка.

Он приволок ее в ближайший подворотню — вонючую, заваленную битым стеклом, но хотя бы без зевак. Она была холодная, липкая, полумертвая. Ди накинул на нее свою косуху, пытаясь согреть ее дрожащее тело. Ее стошнило еще раз, его куртка была испачкана, но он не отдернул руку, продолжая держать ее.

Прошло десять минут. Дрожь понемногу сменилась напряженной, лихорадочной дрожью абстиненции¹¹. Она уже не лежала тряпкой, а сидела, обхватив колени, ее глаза, все еще безумные, но уже с искрой ярости, уставились на него.

— Доволен, святой отец? Вернул меня в этот дерьмовый мир, — ее голос был хриплым и полным ненависти.

— Иди ко дну, если хочешь. Мое дело — кинуть спасательный круг.

И тогда она, все еще дрожа, впилась в него губами — резко, без предисловий, как будто проверяя, жив ли он сам.

Это не было нежностью. Это был голод, ярость, попытка заглушить пустоту после передоза. Ее губы были холодными, пальцы — цепкими, а дыхание — прерывистым, как у выброшенной на берег рыбы. Он не сопротивлялся. В этом городе секс часто был просто еще одним способом выжить.

— Спасибо, — прошипела она позже, застегивая лифчик и поправляя прическу. — Но если я сдохну — это мое право.

— Сдохнешь — закопаю под сценой.

Она рассмеялась — хрипло, будто дверь на ржавых петлях — и нарисовала помадой номер на его ладони:

— Звони, когда захочешь повторить. Но без уколов, святой отец.

Он не звонил. Она сама нашла его через неделю, бросив ему на колени обгоревший медигатор:

— Это твой? Упал, когда мы трахались. Я его в микроволновке грела — думала, взорвется.

С тех пор они не расставались.

— ...Ди? — Кайра щелкнула пальцами перед его лицом, и снегодождь снова стал реальностью. — Ты там вообще есть? Или ты передумал? Валим домой?

Ди задумался над этой возможностью. Впрочем, распахнувшаяся дверь вывела его из раздумий.

— Дэниэл! — воскликнула светловолосая девушка, раскинув руки для объятий. — Как здорово наконец тебя увидеть! Я так рада познакомиться с тобой!

Розмари.

Невеста Дереха.

¹¹ **Абстиненция (или «ломка»)** — мучительное физическое и психическое состояние, возникающее у наркозависимого при отсутствии очередной дозы.

Ди видел ее в первый раз, но сразу понял, что это была она. Никто другой из его семейства не смотрел бы на него с такой улыбкой. Она улыбалась так широко, что Ди почувствовал, что невольно улыбается в ответ.

Она повисла у него на шее и обняла с такой искренностью, будто они были старыми друзьями. Ди замер, чувствуя, как ее тонкий рукав скользит по его шее, покрытой слоем уличной грязи и старой помадой Кайры. От нее пахло дорогими духами (наверное, какая-то французская хрень), дождем и... черт возьми, чем-то таким, от чего сжималось в груди. Как будто самим солнцем.

Он машинально прикоснулся к ее спине, ощутив под пальцами шелковую ткань. Ни единой складки, ни намек на грязь. Как будто ее только что достали из упаковки. Он резко отстранился, оставив на белоснежном воротнике Розмари грязный след от косухи, пропитанной потом, пивом и кровью с последнего концерта.

— Сорян, сестренка, — буркнул он, пряча исцарапанные руки с разбитыми костяшками в карманы. — Я не для яппи¹² в белом.

Но Розмари лишь рассмеялась — звонко, как колокольчик в хрустальной лавке, — и потянулась поправить его воротник. Ее маникюр, идеальный перламутрово-розовый, контрастировал с его ногтями, обломанными и вымазанными в саже от подпаленного усилителя.

— Не беда! — она ловко стряхнула пепел с его плеча, будто смахнула пылинку с фарфоровой статуэтки. — Я так рада, что ты сумел приехать к нам!

Ди фыркнул, окидывая ее взглядом. Светлые локоны, уложенные в прическу как с обложки модного журнала, белый костюм, от которого слепило глаза, туфли на каблуках, которые стоили больше его месячной зарплаты. Даже ее тени для век переливались перламутром, будто подбирались под цвет маминых фарфоровых сервизов, которые он разбил после того, как отчим отобрал его гитару.

— Блять, да ты вылитая Дебби Харри¹³, — процедил он, щелкая зажигалкой у нее перед носом, — только не из Max's Kansas City¹⁴, а из какого-нибудь долбаного Harper's Bazaar¹⁵.

Он ждал, что она смутится, отпрянет, но Розмари лишь рассмеялась — не обиженно, а так, словно он только что выдал ей лучший комплимент в жизни.

Кайра, стоявшая рядом, закатила глаза и потянула его за рукав:

— Ди, ну хули ты доебываешься до этой куклы? Или ты забыл, что мы здесь, чтобы хапнуть бесплатной выпивки, а не философствовать про их сраный «идеальный брак»?

Ди только хмыкнул в ответ, но Розмари уже повернулась к Кайре, ее перламутровые тени снова сверкнули в свете люстры. Кайра оценивающе осмотрела невесту его брата с ног до головы, медленно затянулась и, не отрываясь от ее жемчужного ожерелья, выпустила клуб дыма ей прямо в лицо:

— Ой, солнышко, а че это у тебя на груди? — она ткнула пальцем с облупившимся черным лаком в жемчужное ожерелье Розмари. — Настоящие? Или пластиковые как твоя улыбка?

Розмари не моргнув глазом поймала пепел от их сигарет в ладонь, словно ловила бабочку, и мягко сдула его на пол. Ее глаза, цвета нагретого на солнце меда, сузились от улыбки, но не потеряли тепла.

¹² **Яппи (yuppie)** — аббревиатура от «Young Urban Professional» (молодой городской профессионал). В 80-е это слово стало символом поколения амбициозных, хорошо одетых и обеспеченных молодых людей, делающих карьеру.

¹³ **Дебби Харри** — солистка группы Blondie, икона стиля для нью-йоркской новой волны и панк-сцены. Блондинка с модельной внешностью и панк-драйвом.

¹⁴ **Max's Kansas City** — знаменитый нью-йоркский клуб, место тусовки художников, музыкантов (от Уорхола до The Velvet Underground и панков) в 60-70-е годы.

¹⁵ **Harper's Bazaar** — один из старейших и самых престижных журналов о моде. Символ гламура и элитарности.

— Настоящие, — ответила она Кайре, касаясь жемчуга. — Но ты знаешь, — она наклонилась, будто делилась секретом, — иногда пластик крепче настоящих драгоценностей. Особенно если его не ронять.

Ее спокойствие было хуже крика. Он привык к агрессии, к презрению, к страху в глазах людей, когда он шел по темным переулкам в своей косухе с торчащими заклепками. Но не к этому. Не к тому, как ее пальцы — легкие, уверенные — поправляли его воротник, будто он был не тем, кто на прошлой неделе выбил зубы дилеру в Бруклине, а просто неловким подростком.

Где-то в глубине души он вдруг осознал: Розмари была опасна. Не потому что могла ударить — нет, она даже кулаки не сжимала, в отличие от Кайры. А потому что смотрела на него так, будто видела все — и разбитые костяшки, и грязь под ногтями, и ту ночь в 78-м, когда он резал вены в ванной, пока Рагнар не вытащил его.

И самое страшное...

Ему это нравилось.

— Это Кайра, — запоздало представил ее Ди, растерянно проведя рукой по спутанным волосам. — Типа моя девушка.

Типа. Ди едва сдержал гримасу. Кайра была... просто была. Горячая, едкая, как дешевый виски, с грудью, в которую хотелось уткнуться, когда мир становился слишком дерьмовым, и глазами — огромными, черными, вечно затянутыми дымкой от травы или чего покрепче. Ее кудри, вечно растрепанные, так приятно было запутывать в пальцах, когда она, хихикая, опускалась перед ним на колени.

Она прибилась к ним как бродячая кошка — сначала переспала с ним и Питером, потом осталась на ночь, а потом... Потом стала частью их настоящей семьи. Ее можно было жестко отыметь в ванной, пока остальные валялись в отключке. С ней можно было накуриться до блевоты. И да, черт возьми, с ней можно было пойти на этот ебанный ужин и устроить скандал, чтобы вся их «приличная» семейка аж поперхнулась своими фуа-гра.

Вот же ирония, мать ее. Ублюдок Дэнни, которого все списали со счетов, притащил на званый ужин обдолбанную шмару — идеальный плевок в лицо этим напыщенным пижонам. Ну а что еще ждать от отброса, да? Вот идеальному Дереку — только такая же идеальная Розмари.

Она действительно была идеальной. Этот чертов белый костюм, слишком тонкий для промозглого марта. Жемчуг на шее, холодный и гладкий. Браслет на запястье — золотой, широкий, как наручник. И эти волосы...

Волосы.

Ровные, золотистые, уложенные с безупречной точностью.

Растрепать бы их. Запустить пальцы в эту шелковистую массу, сломать прическу, заставить пряди рассыпаться по плечам... Намотать на кулак, вынуждая ее запрокинуть голову...

Стоп.

Ди резко отвел взгляд.

Женские волосы всегда были его слабостью. Особенно такие... роскошные.

Пожалуй, зря он после смены не выпил. Лезет всякая дрянь в голову. Дерьмовые были сутки.

Розмари обняла Кайру с таким же негасимым энтузиазмом, что и его. Ее жемчуг и золото контрастировали с цепями и кожаными браслетами Кайры — будто два разных Нью-Йорка столкнулись в дверном проеме: стерильный блеск Пятой авеню и грязные граффити Ист-Виллидж. Когда Розмари отстранилась, поправляя браслет, Ди мельком заметил что-то на ее запястье — шрам? Ожог? — но тень скользнула, и деталь исчезла.

Какая, впрочем, разница.

— Восхитительно! — Розмари взяла Кайру за руки, и внезапный солнечный луч, на мгновение показавшийся из-за туч, заиграл на ее светлых волосах. — Твои кудри — это же произведение искусства! Как ты добиваешься таких завитков?

Кайра, обычно едкая, растерянно моргнула и неловко потерла шрам на шее — «подарок» бывшего, который искал яремную вену.

А Розмари... Она была как солнечный зайчик — ослепительная, настырная, и от нее невозможно было спрятаться. Ди почувствовал, как внутри екнуло что-то давно забытое — легкое, дурацкое смущение.

Да когда он вообще последний раз смущался?

Он же, блять, не смущался, когда на сцене «СВGB» дрович на публику под вой гитар. Не моргнул и глазом, когда ссал с крыши на копов во время очередного рейда. Даже на той ебучей оргии у Ричи, где все перепихнулись со всеми, а потом еще и с подъехавшими байкерами — и то хоть бы хны.

Розмари, со своим идиотским оптимизмом и улыбкой, будто она только что из рекламы «Кока-колы», казалась существом с другой планеты. Той, где люди не спят в подворотнях, не трахаются в грязных туалетах и не ненавидят своих младших братьев, продавшихся системе. И теперь его планы насчет «испортить всем вечер» выглядели по-детски глупо.

Розмари взглянула на Ди с игривой искоркой в глазах — будто читала его мысли.

— Ну, заходите же, не стойте на пороге! — она распахнула дверь шире, и из дома тут же повалил теплый запах шоколада с корицей. — Наш повар готовит что-то изысканное, но... — она понизила голос, делая вид, что делится секретом, — я испекла брауни. Не могу удержаться, обожаю их.

Ди фыркнул, закатывая глаза:

— Да ладно, принцесса, ты сама? Или это твоя горничная замесила тесто, а ты только духовку включила?

Но потом он заметил — едва уловимый след шоколада на пальце, возле ногтя с безупречным маникюром. И крошечное пятнышко муки у виска, будто она в спешке поправила волосы рукой.

Черт.

Она и правда сама это сделала.

Розмари лишь рассмеялась, не обращая внимания на его колкость:

— Горничная? О нет, я бы никогда не доверила ей свой секретный рецепт! — она подмигнула, ловко смахивая муку с виска, при этом размазав шоколадное пятно еще больше. — Хотя Дерек утверждает, что я пеку как раз так, будто хочу отравить всю семью. Слишком много шоколада, слишком мало терпения.

Ди невольно хмыкнул. В ее голосе звучала та же бесшабашность, с которой он сам когда-то воровал печенье с кухни, пока мать не видела.

Внутри что-то екнуло. Запах был... чертовски хорош. Сладкий, густой, с оттенком жженого сахара — будто из тех редких детских воспоминаний, где мать еще не боялась к нему прикоснуться. Последний раз он ел что-то подобное лет десять назад, еще до того, как сбежал из дома.

— Ну, если отравишь кого — первым делом свекровь, — Кайра щелкнула жвачкой, ухмыляясь. — А потом можешь нахуячить специальные кексы. Наш басист Джо такие делает — с травкой. После них даже твой идеальный Дерек, блять, расслабится и перестанет застегивать пиджак на все пуговицы.

Розмари рассмеялась — не смущенно, а так, будто эта шутка ее искренне позабавила.

— Обещаю, в следующий раз будет особый рецепт. Только предупредите, сколько «специй» добавлять — а то вдруг переборщу, и вся семья Баркли начнет видеть ангелов.

Ди фыркнул, но уголок его рта дрогнул.

— Бля, ну ты даешь, Барби. Не ожидал, что у тебя есть чувство юмора.

Розмари слегка наклонила голову, губы тронула едва заметная улыбка.

— Осторожнее с комплиментами, а то я могу решить, что ты начинаешь мне нравиться. Ее голос звучал легко, но в нем чувствовалась та самая уверенность хозяйки дома, которая знает — она здесь главная.

Кайра фыркнула:

— Ну все, пиздец, теперь он точно пропал.

Ди резко дернул головой, будто отгоняя назойливую муху:

— Заткнись уже, блять.

Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки — он ненавидел, когда она выводила его на эмоции перед чужими. Особенно перед такими, как Розмари.

Не глядя на обеих, он грубо протиснулся между ними в прихожую, нарочно задев плечом дверной косяк. Движение было резким, почти злым — будто хотел оставить царапину на этом идеальном, надраенном до блеска пороге.

Теплый свет люстр, приглушенный гул разговоров из столовой, сладкий запах шоколада — все это обрушилось на Ди разом. Он замер на пороге гостиной, внезапно осознав, как его засаленная косуха и рваные джинсы диссонируют с безупречным интерьером. Даже воздух здесь казался другим — густым, наполненным духами, воском и чем-то неуловимо домашним.

Несмотря на дождливый день, казалось, что в доме светит солнце — столько здесь было желтого: стены цвета сливочного масла, пледы в ромбиках, ярко-желтые шторы, нарциссы в горшках, расставленные с математической точностью, несколько картин с подсолнухами.

— Солнце, блять, искусственное, — хрипло процедил Ди, оглядывая желтое удушие.

Розмари лишь мягко улыбнулась:

— Зато всегда светит. И пахнет цветами. Я люблю солнечные цветы — нарциссы, подсолнухи... — она сделала паузу, ее взгляд скользнул по нарциссам на подоконнике. — И ромашки. Просто обожаю ромашки. Каждый из них — как обещание, что за самой суровой зимой обязательно придет весна.

Слово «ромашки» обожгло Ди изнутри. Он тут же вспомнил тот дурацкий, помятый букет, сунутый Кайре в пьяную ночь ее горя. Жалкую попытку утешения, которая теперь висела между ними тяжелым камнем. Краем глаза он уловил, как рядом с ним Кайра едва заметно вздрогнула. Он знал — слово вонзилось и в нее, напомнив о той же самой ночи, о его беспомощности, замаскированной под эти жалкие цветы. Ди резко посмотрел в пол. Его взгляд наткнулся на паркет, а затем, бесцельно блуждая, поднялся выше. В наступившей тишине негромко тикали часы над камином. На камине — фото в резных рамках: Дерек и Розмари на лодке, ее смех застыл в лучах заката; они у елки в свитерах с оленями; она, в соломенной шляпе, поливает розы. Идиллия, вырезанная из журнала.

— В нашем доме всегда пахнет корицей по субботам, — неожиданно сказала Розмари, мягко касаясь его локтя. — Дерек смеется, что я пытаюсь воссоздать ту самую «семейную атмосферу» из рекламы печенья. Но мне нравится, когда дом кажется... живым.

Ди сжал кулак, ощущая, как старый шрам на ладони пульсирует в такт ее словам. Здесь никто не напивался от безысходности, никто не резал вены от несчастной любви, никто не сидел в углу, обдолбавшись в хлам.

Розмари говорила без остановки. Она была как этот дом — светлая, пахнущая выпечкой и дорогим мылом, с идеальными занавесками и мебелью, которая не скрипела под тяжестью невысказанных обид.

— О, а это мой любимый уголок! — Розмари указала на кресло у окна, рядом с которым стоял новенький CD-проигрыватель последней модели. Его глянцева поверхность отражала солнечные блики, как витрина бутика на Пятой авеню.

Ди скривил губы. Конечно, любимый. Не то что его квартирка с тараканами и сатанинским барахлом Никки, где единственное кресло пахло пивом и чужими поражениями. Его взгляд скользнул по идеальному черному прямоугольнику проигрывателя, и ему внезапно захотелось ткнуть пальцем в блестящую поверхность, оставив на ней жирный отпечаток — доказательство того, что здесь есть хоть какая-то жизнь. Потому что это и была главная разница: эта вещь была мертвой. Стерильной, как операционная. Совсем не то, что его виниловый проигрыватель — единственная вещь, за которую он был готов убить. Он мысленно видел свою руку, опускающую тяжелый тонарм¹⁶ на черный виниловый круг. Вот это — вещь. Настоящая, с душой. Там можно было положить руку на вибрирующую крышку и чувствовать, как музыка рождается прямо внутри, живая, дышащая, с ее теплым шипением и случайными царапинами — шрамами, которые были частью истории. Не то что эта мертвая, стерильная цифровая хрень, выдающая безупречный, но бездушный звук, словно с конвейера.

— Здесь я люблю слушать музыку и просто мечтать, глядя на дождь.

Мечтать.

Слово ударило, как нож под ребро. Ди не мечтал. Он выживал. Мечты — это для тех, у кого есть будущее. У него его не было. Только ночные смены в EMS, гул сабвуфера¹⁷ в подпольных клубах да редкие минуты тишины в приюте Святой Марии, где он играл на расстроенном пианино для детей, у которых судьба была еще хуже, чем у него.

И чертов дождь. Для нее — романтика. Для него — скользкий асфальт под колесами амбуланса, кровь, смываемая в ливневку, и вой сирен, перекрывающий последние слова умирающих.

— Вы любите музыку? — спросила Розмари.

Тишина после вопроса была такой же хрупкой, как гитарный аккорд перед тем, как его заглушит вой сирены.

Она улыбалась. Ее пальцы теребили браслет — широкий, золотой, закрывающий что-то, что он так и не успел рассмотреть. Ди видел, как дрожат ее руки. Она боялась. Не его, нет. Она боялась испортить этот вечер. Как будто он был чем-то хрупким, чем-то ценным.

— Видит Бог, я бы не смогла без музыки! — засмеялась она, слишком громко, слишком натянуто. — Дэниэл, ты ведь музыкант? Дерек почти ничего о тебе не рассказывал, но это я у него вытянула!

Ди вздрогнул. Чертово имя! Он ненавидел, когда его так называли. «Дэниэл» — это мальчик, который умер где-то между побегом из дома и первой передозировкой в подворотне. «Ди» — это тот, кто выжил.

— Да, я музыкант, — ответил он, потому что музыка была единственным, что у него осталось. Она не предавала. Не требовала быть нормальным. Она принимала его таким, какой он был — злым, сломанным, никому не нужным.

Она спасла его. Не Бог, не семья, не любовь — три аккорда и хриплый голос из дешевого магнитофона. Когда он играл, он не чувствовал себя мусором.

— Мы с Дерексом в детстве играли вместе на рояле.

Ди тактично умолчал, что это было пыткой.

У Дерекса не было ни слуха, ни чувства ритма. Но мать с отчимом не могли допустить, чтобы Ди в чем-то превосходил «настоящего сына». Так что дорогому братику пришлось мучиться с нотами, а самому Ди — терпеть его фальшивые аккорды на семейных вечерах.

Хотя были времена, когда рояль звучал иначе.

¹⁶ **Тонарм** — часть проигрывателя винила, рычаг, на конце которого крепится игла, считывающая звук с пластинки.

¹⁷ **Сабвуфер** — это динамик в музыкальной колонке, который специально предназначен для воспроизведения самых низких, басовых частот, создавая физическое ощущение звука («гул»), который чувствуется телом, а не только ушами. В контексте 1985 года и панк-клубов, гул сабвуфера был неотъемлемой частью атмосферы концертов.

Когда Ди было одиннадцать, а Дереку — десять, они прокрались к инструменту в два часа ночи. Прижавшись плечом к плечу на одной табуретке, они играли шепотом — Ди поправлял неуклюжие пальцы брата, а тот смеялся, когда получалось взять аккорд без фальши. Тогда же они вместе написали «Колыбельную» — единственную песню, которую Дерек сразу сыграл без ошибок.

В тринадцать Ди сочинил похабную песенку про учительницу музыки — намеренно фальшивую, чтобы Дерек смог ее повторить. Дерек краснел, но все равно подпевал: «Ее чулок висит на люстре...» Они хохотали до слез, пока мать не застала их. «Вы позорите фамилию Баркли», — сказала она холодно, даже не повысив голоса, и этого хватило, чтобы смех застрял в горле.

Но потом пришла Сэм.

В семнадцать Ди был уверен, что это любовь. Проводил часы, сочиняя мелодии, которые заставят ее улыбнуться. А она в итоге пошла на выпускной с Дерекком. «Ты... ненадежный», — сказала она тогда, даже не глядя ему в глаза.

Ненадежный.

А Дерек — надежный. Надежный, как этот проклятый «Мерседес», припаркованный перед безупречным домом, как их идеальная семья, как вся та ложь, в которой Ди был лишним.

— О, это же прекрасно! — Розмари всплеснула руками, и Ди поймал себя на мысли, что хочет ткнуть ее сигаретой, чтобы проверить — не пластиковая ли она. — Восхищаюсь людьми, которые могут так играть! Я столько раз училась, но все бесполезно. Даже двумя пальцами играть не могу. Дерек учил меня, но я безнадежна. Ох, Дерек, а вот и ты! Мы как раз говорили о тебе.

Она посмотрела куда-то за спину Ди. Он резко повернулся. Дерек стоял в дверях, сжимая ключи от «Мерседеса» так, будто это нож. Его взгляд скользнул по косухе Ди, задержавшись на дыре от пули.

Перед глазами мелькнули обрывки воспоминаний.

Дерек, вытаскивающий его из петли, с лицом, искаженным чем-то похожим на ужас. «Ты что, совсем ебнулся?!»

Дерек, сияющий на первой полосе газеты — «Юные таланты: братья Баркли покоряют сцену».

Дерек, отбирающий у него последнюю пачку сигарет со словами «Мама сказала, тебе это вредно».

Что ж... Пора наконец поговорить с братом.

Изначально, услышав, что именно предлагает ему Розмари, он громко рассмеялся в трубку. Уютный семейный ужин, как же, как же. Нельзя сказать, что с семнадцати лет Ди не пытался контактировать с семьей. Виделся с матерью пару раз — закончилось тем, что она украдкой сунула ему деньги, словно подачку нищему. Виделся с братом... лет пять назад. Набил ему породистую морду. Черт, а это приятно вспомнить.

Да, засунуть братика в мусорные баки было бы весело. Или сломать ему опять нос? Похоже, после прошлого раза братец потащил свой драгоценный шнобель к пластическому хирургу. Конечно, кривой нос для такого красавчика как Дерек — это фи.

Дерек всегда был идеальным: красивым, успешным и любимым. Высокий блондин с голубыми глазами и улыбкой, как с обложки журнала. Король выпускного бала. Глава студенческого комитета. Отличник, обаяшка, мамочкина и папочкина гордость. Собственный успешный бизнес по продаже то ли холодильников, то ли обогревателей. Да еще и с невестой теперь.

Они с Розмари, кстати, были почти точными копиями друг друга. Оба — светловолосые, загорелые, с безупречными улыбками и прическами, будто только что из салона. Даже одежда, казалось, подобрана в одном бутике.

Мать всегда говорила, что они с братом похожи.

Но Ди знал правду.

Он был всего лишь темным отражением своего сияющего брата.

Да, он тоже высокий. Тоже голубоглазый.

На этом сходство заканчивалось.

Вместо идеальной стрижки — небрежно отросшие черные волосы, падающие на лоб и доходящие до мочек ушей. Последний раз он стригся... черт, когда вообще? То ли три месяца назад перед концертом, то ли когда Кайра в пьяном угаре пыталась «освежить» ему челку кухонными ножницами.

Его прическа всегда выглядела так, будто он только что встал с кровати в обшарпанной квартире их группы — что, в общем-то, обычно и было правдой. Волосы торчали в разные стороны, будто бунтуя против самой идеи расчески, а на затылке сбивались в непослушные пучки. Когда Ди нервничал — а нервничал он часто — он машинально откидывал их со лба резким движением головы, оставляя на лице пару непокорных прядей.

И когда он их последний раз мыл?

Точно не на этой неделе. Всю неделю он пахал без выходных: перестрелка в Южном Бронксе, массовое ДТП с автобусом, пара суицидников и под конец — десяток обдолбышей из притона. Между сменами в пропитанном кровью амбулансе — три концерта подряд, где он орал в микрофон до кровавых хрипов, будто пытался выжечь голосом всю эту мерзость из памяти.

Сил хватало только на то, чтобы доползти до кровати и рухнуть без чувств.

В зеркале он иногда ловил свое отражение — бледное, с резкими чертами. Не здоровый загар Дерек, а мертвенная бледность, будто он последние полгода не вылезал из морга. Лицо осунулось, скулы стали резче — последствия недели на кофе, сигаретах и случайных перекусах в скорой.

А эти синяки под глазами... Чертова работа, хроническая бессонница и перебор с алко-голем сделали свое дело. Сегодня, впрочем, синяки он аккуратно подчеркнул черной подводкой — так они смотрелись эффектнее. Пусть хоть выглядит как панк, а не как зомби после ночного дежурства.

Ди сделал глубокий вдох и вполне дружелюбно протянул братцу руку. Специально протянул нарочито медленно, чтобы тот разглядел татуировку на предплечье: «Mistake 1958». Год его рождения. Мать потом назвала его «ошибкой», рожденной от кантри-певца, который сбежал, узнав о беременности. Дерек же появился на свет на год позже — желанный, чистый, с правильным отцом.

— Привет, Дерек. Давно не виделись.

Брат отвел от татуировки взгляд, будто надпись жгла. Его голубые глаза — точь-в-точь как у матери, точь-в-точь как у него — скользнули по нему презрительным взглядом, задержавшись и на пирсинге с черепом¹⁸, и на надписи «Dead Kennedys»¹⁹ на футболке, и на старых ботинках. На ботинках задержался особо, потом так же демонстративно посмотрел на свой идеально чистый пол.

Часы в холле пробили восемь. Массивные, бронзовые, с позолотой — такие же висели в родительском доме. Ди помнил, как отчим наказывал его под их мерное тиканье: «Ты не мой сын. Ты никто». Ди почувствовал, как в груди затаилась какая-то неопределенная эмоция. Он и сам не понимал, что именно это — обида, злость или просто досада. Интересно, как отреагирует Розмари, если Ди снова разобьет братику нос? Будет ли она все так же весело улыбаться?

¹⁸ **Пирсинг** — здесь: серьга или украшение, прокалываемое не только в мочке уха, но и, например, в носу, брови (в 80-е это был маркер принадлежности к маргинальной среде, а не массовая мода).

¹⁹ **Dead Kennedys** — культовая американская панк-группа, известная своими острыми политическими текстами и провокационным названием («Мертвые Кеннеди»).

— Привет, брат, — наконец отозвался Дерек. Голос — ледяной, будто они случайно столкнулись в метро, а не встретились после пяти лет молчания. — Что у тебя нового?

Ди едва не прыснул. Вопрос звучал так, будто Дерек уже занес карандаш над списком его прегрешений.

— О, много чего! — широко улыбнулся Ди, изображая идиотский энтузиазм. — Я не сдох в подворотне, не сел в тюрьму и даже не подхватил сифилис! Ну, вроде бы. Не хочешь поздравить меня с таким выдающимся списком достижений?

Дерек только приподнял бровь, его лицо оставалось неизменным, словно он был манекеном с витрины. Он отвел взгляд, но прежде чем отвернуться, его глаза на мгновение скользнули к Розмари — словно ища поддержки, одобрения.

— Поздравить? — повторил он с мимолетной улыбкой — скорее насмешливой, чем искренней. — Наверное, это достижение, если учесть твои... привычки. А это твоя... мм... девушка? — он кивнул на Кайру.

— Нет, я просто случайная шлюха, которую он подобрал по дороге, — нагло заявил Кайра, надувая пузырь из резинки. — Меня зовут Кайра, кстати. Твой брат крутой чувак, отвечаю. А ты тот беловолосый хер, которому Ди разьебал нос? Вот умора, нашим расскажу, все обоссутся от смеха! Ты как будто из пятидесятих вылез! Кто тебе так волосы прилизал? Мамочка?

— Слышали про вежливость, мисс? — холодно произнес Дерек, обводя взглядом Кайру.

Его рука коснулась странной жемчужной булавки на лацкане. Дорогая безделушка — наверное, подарок. Ди заметил, как Розмари бросила быстрый взгляд на булавку, и ее губы дрогнули в едва заметной улыбке.

Кайра лишь пожала плечами и громко чавкнула жевательной резинкой. Ди усмехнулся, на этот раз уже искренне. Девушка тем временем повернулась к Розмари.

— Подруга, скажи честно, — с мнимой заботой спросила Кайра, — он у тебя давно не срал? Ди тоже, если не посрет или не потрахается, то ведет себя так, словно ему швабру в жопу вставили.

В комнате повисла напряженная тишина.

Розмари фыркнула — звонко, неожиданно — но тут же прикрыла рот ладонью, бросив взгляд на Дерека.

Ди замер. Ее смех — не сдавленный, не притворно-вежливый, а громкий, почти похабный — прозвучал как плевок в лицо всему этому вылизанному миру. Что-то дрогнуло у него внутри. Он привык, что люди ее социального положения либо сжимаются от его выходок, либо фальшиво улыбаются. Но эта кукла в белом костюме рассмеялась по-настоящему.

Черт... Может, она не совсем пластиковая?

Тем временем Дерек стоял, бледнея с каждой секундой. Его пальцы так впились в жемчужную булавку, что кожа на них натянулась и побелела.

— Гений, блять, — Ди одобрительно кивнул Кайре, чувствуя, как уголки его губ предательски ползут вверх. — Только в следующий раз можешь без сравнений с моей жопой, а?

— О боже! — Розмари наконец выдохнула, ее глаза смеялись, несмотря на попытки сохранить лицо. — Вы... вы просто очаровательны! Давайте пройдем в столовую.

Кайра оживилась, как бродячий пес на помойке:

— Отпад! Я уже проголодалась — тут так вкусно пахнет! — она подмигнула Дереку: — Ты же нас накормишь, красавчик? Мы ведь теперь почти родня!

Дерек приподнял бровь, но, поймав взгляд Розмари — тот самый, мягкий, чуть насмешливый, который, казалось, знал его лучше, чем он сам, — выдавил улыбку — точнее, то, что должно было ею быть.

— Дорогие Дэнни... и Кэ-эй-ра... — он произнес ее имя так, будто разжевывал стекло. — Рад вас видеть, — жест в сторону столовой. — Прошу.

Кайра, не задумываясь, рванула вперед, ее ботинки громко шлепали по паркету. Она вертела головой, разглядывая интерьер с вызывающей бесцеремонностью — пальцы так и норовили потрогать хрустальные безделушки, оставшиеся с прошлого века.

Дерек сделал шаг за ней, но Розмари на мгновение задержала его, прикоснувшись к рукаву. Она что-то шепнула ему на ухо — и Ди видел, как плечи брата внезапно расслабились, будто с них сняли невидимый груз.

Потом Дерек кивнул и проследовал за Кайрой, оставив их одних в дверном проеме.

Тишина.

И вдруг — теплое прикосновение пальцев к его виску.

— Вот так лучше, — Розмари аккуратно откинула его непокорные волосы со лба, и Ди почувствовал, как ее ноготь слегка зацепил шрам над бровью — старый, от драки в «K17»²⁰.

Она не отпрянула, не сморщилась от грязи или жирных прядей. Просто... поправила.

Будто он имел право выглядеть прилично.

Будто он вообще имел право быть здесь.

И прежде чем он успел что-то ответить, она уже шла вперед, оставив на его коже едва уловимый шлейф дорогих духов и чего-то еще — чего-то, что пахло как...

Как дом.

Тот самый, которого у него никогда не было.

Ди сделал шаг вперед — и мир резко сузился до тоннеля.

Розмари как обычно улыбалась и что-то говорила, обращаясь к собравшимся в комнате людям, но Ди уже ничего не слышал.

—...поэтому я и пригласила Дэниэла, он... — долетел до него голос Розмари.

Мать. Сьюзан Баркли. Отчим Ричард, которого он долго считал отцом. Тетушка Мэдди, сварливая сука. Бабушка Глэдис, еще большая сука. Явно припомнит ему те деньги. Кузен Грегори — тот самый, чью голову он как-то раз с любовью окунул в унитаз. Рыжеволосая женщина рядом — новая жена, должно быть. Детишки — чистенькие, наглаженные, с пустыми глазами. Двоюродный дед Огг — древний, как мамонт, но все еще живой, к всеобщему разочарованию. Кузина Шарлотта — вымахала, оказывается. Дядя Сэм с очередной женой (какая по счету? Пятая? Шестая?). «Дядя Джо» Кац — этот вездесущий подхалим. И еще с десятков родственников, чьи лица сливались в одно бледное пятно.

— А что я не так сказала? — вдруг растеряно спросила Розмари.

Ди очнулся.

В комнате воцарилась тишина, какая бывает только на похоронах. Все двадцать с лишним пар глаз уставились на него, будто он был призраком, явившимся на семейный ужин.

А ведь для них он и правда призрак. Умер уже давно. Когда? В тот момент, когда украл деньги у бабушки Глэдис? В тот момент, когда пытался повеситься? В тот момент, когда облил бензином дом? Или в тот момент, когда сменил имя?

Неважно. Дэнни Баркли умер. И эти люди ему давно не семья.

²⁰ «K17» — вымышленный панк-клуб в Нью-Йорке, типичный для той эпохи.

Глава 2

— Все в порядке, дорогая Розмари, — растянул губы в улыбке Ди, чувствуя, как щеки немеют от напряжения. — Я редко бываю на... семейных встречах. Но невероятно рад всех видеть, — он сделал театральную паузу, целясь взглядом в каждого по очереди. — Матушка. Отец. Любимая бабушка Глэдис.

Его поклон был идеально отмеренным — ровно настолько, чтобы не выглядеть откровенным издевательством. Черные волосы, хоть и приглаженные, резко контрастировали с лощенными проборами «яппи-клуба»²¹ — Дерек, отчима, дяди Сэма. Их застывшие улыбки напоминали маски, натянутые на лицах восковых фигур.

Они не рады. Совсем не рады.

Мать. Она скользнула по нему взглядом и тут же отвела глаза в сторону — все та же старая песня. Она когда-то влюбилась в заезжего музыканта, позволила увлечь себя романтическим бреднями... А он исчез, прихватив ее деньги и мечты, оставив лишь напоминание о совершенной глупости — его, Дэнни, с этими проклятыми черными волосами и неуместной здесь любовью к музыке.

Раньше Ди этого не понимал. Не понимал, почему та самая мать, что когда-то слушала его игру с затаенным дыханием, теперь отводит взгляд, едва он касается клавиш. Почему отчим проводит выходные, играя в гольф с Дерек, а его будто не замечает, хотя раньше они ходили все втроем. Почему на семейных фотографиях его всегда ставят с краю — словно временно, пока не найдут способа убрать совсем.

Потом понял. Озлобился. Иногда, по пьяни, в памяти всплывали обрывки прошлого: тепло руки Ричарда на своем плече, гордый блеск в глазах матери — и он все еще ловил себя на идиотской мысли: а вдруг? Вдруг кто-то подойдет и скажет: «Дэнни, ты все равно наш»? Но эта глупая надежда с каждым годом таяла, оставляя после себя только едкую желчь.

Они кивали, улыбались — фальшиво, как шлюхи на похоронах. Ди знал — он здесь лишний. Паршивая овца в их идеальном семействе.

Чертова Розмари! Зря он согласился прийти. Хотя... зачем он вообще согласился?

Сначала — просто любопытство. Что-то в этой девушке цепляло: то ли ее настойчивость (найти его номер было настоящим подвигом), то ли тот смех, что прозвучал в трубке — легкий, без намека на жалость.

Потом — желание устроить маленький ад. Прийти в самом грязном, уродливом виде. Нажраться до чертиков. Устроить скандал. Для этого он и притащил Кайру — хотя ее, конечно, уговаривать не пришлось.

Ди почувствовал, как дрожь пробежала по рукам. Горло пересохло, каждый вздох давался с трудом. Перед глазами плыло — хотелось хоть одной вонючей сигареты Кайры, хоть глотка чего-то крепкого. Но больше всего хотелось уже свалить отсюда к чертовой матери. Пелена перед глазами никуда не исчезала.

— Дэниэл... — мать встала из-за стола, резко отодвинув от себя бокал. Красное вино, красное как кровь. Несколько капель выплеснулись на безупречно-белую скатерть. Ее глаза метнулись к Дереку — искали поддержки, как всегда. — Ты... выглядишь...

— Живым? — Ди закончил за нее, чувствуя, как в груди закипает ядовитый смех.

Он ждал — нет, глупо надеялся — что она сделает шаг навстречу. Но она лишь сжала салфетку, стирая невидимую грязь. Ее кольцо — подарок «настоящего мужа» — блеснуло в свете люстры.

²¹ **Яппи-клуб** — ироничное название для круга обеспеченных молодых профессионалов (яппи). Здесь: обозначение лощенных, одинаково одетых мужчин, следующих моде и правилам своего класса.

— Мама переживала, — Дерек положил руку на плечо Розмари, его большой палец нежно погладил ее шею. Миниатюрный жест, но Ди уловил его. Розмари слегка наклонилась к его прикосновению, словно это было привычкой — их маленький секрет.

Ди почувствовал, как что-то острое кольнуло под ребра. Он не мог отвести взгляд от ее губ — таких мягких, чуть приоткрытых, когда она смотрела на Дерека.

— О, я тоже охуенно переживала! — Кайра плюхнулась на диван, демонстративно положив ноги на кофейный столик. — Вчера Ди так долго меня трахал, что я думала — сдохну и не смогу сегодня к вам прийти. Он, блять, три часа не слезал с меня — то в жопу, то обратно, пока я не кончила так, что соседи снизу стучали по батарее.

Тетушка Мэдди ахнула, ее лицо стало багровым:

— Молодая леди! В приличном доме так не выражаются!

Кайра медленно подняла глаза, будто рассматривала особо крупного таракана. Ее пальцы лениво потянулись к пачке Мальборо²², лежавшей рядом с хрустальной вазой.

— Ой, простите, тетенька. А как надо? — она нарочито сладко улыбнулась. — «Мой возлюбленный столь страстен, что я едва могла сдержать стоны блаженства»? Или «Наш соитие было столь возвышенно, что ангелы плакали в экстазе»? — Кайра щелкнула зажигалкой, игнорируя, как дым клубится над скатертью ручной вышивки. — Ну уж извините, я предпочитаю называть вещи своими именами.

В комнате раздалась возмущенные возгласы. Бабушка Глэдис хмурилась, мать Ди бледнела, а кузен Грегори смотрел на Кайру с неприкрытым интересом. Только Розмари прикрыла рот рукой, скрывая улыбку.

Ди наблюдал эту сцену с наслаждением:

— Ну что, семья, как вам моя девушка? — его голос звучал сладко-ядовито. — Полностью соответствует... семейным традициям, не находите?

— Хватит! — Дерек грохнул кулаком по столу так, что задрожали хрустальные бокалы.

Розмари резко вздрогнула. В глазах мелькнул испуг — быстрый, как вспышка, но Ди успел его уловить.

Дерек отреагировал мгновенно — его рука автоматически потянулась к ней, обняла за плечи, но взгляд не отрывался от Ди.

— Ты все тот же, — Ди рассмеялся. — Папин сынок. Мамина кукла. И невесту себе подобрал — точную копию семейного альбома.

Пауза повисла густым сизым дымом. Розмари мягко положила руку на плечо Дерека.

— Дорогой, они же просто шутят. Давайте все успокоимся, — ее голос звучал тепло, как хороший коньяк. — Кстати, я велела подать аперитив²³. Кто за бокал шампанского?

Кайра оживилась, как кот при звуке открывающейся банки:

— Вот это я понимаю! Наконец-то кто-то говорит на моем языке, — она одобрительно подмигнула Розмари. — Ди, твоя невестка — единственный адекватный человек в этом курятнике.

Шампанское подавали в высоких хрустальных фужерах; напиток искрился и тихо шипел, обещая праздник. Ди, не глядя, поймал свой бокал и опустился на стул, чувствуя, как вышитая салфетка с фамильными вензелями²⁴ мялась у него в кулаке. Хороший мальчик, ебать их всех кочергой.

²² **Мальборо (Marlboro)** — популярная марка сигарет, символ «американского стиля». В 80-е в СССР и США ассоциировалась с ковбоями из рекламы.

²³ **Аперитив** — слабоалкогольный напиток (обычно вино, вермут или коктейль), который пьют до еды для возбуждения аппетита.

²⁴ **Вензеля** — витиеватые переплетения инициалов, вышитые на скатертях, салфетках или фамильном серебре, знак аристократизма и богатства.

Его взгляд сам потянулся к углу, где стоял рояль Steinway²⁵ — черный монстр с позолоченными педалями. Дерек обклеил его бока открытками из Европы, как труп украшают цветами на похоронах.

«Мой труп», — подумал Ди.

Он ясно помнил, как в пятнадцать лет отчим замер в дверях гостиной. Ди только что вложил в финальные аккорды «Болеро»²⁶ всю ярость и боль своего подросткового возраста — пальцы летали, тело раскачивалось в такт неистовому ритму, звук лился мощный, почти яростный. Лицо отчима, обычно безупречно-спокойное, исказилось гримасой глубокого, ледяного презрения. «Дэниэл, — голос был тише обычного, от этого еще острее, — это... варварство. Ты превращаешь изысканность Равеля в цирковое представление. Весь этот... неуправляемый лиризм. Это неприлично». Пальцы Ди замерли под тяжестью этого взгляда — взгляда, оценивающего невыгодную инвестицию, выбившуюся из строгого графика.

Теперь же инструмент молчал, как пациент на искусственной вентиляции. Пальцы сами сжались, повторяя пассаж из «Лунной сонаты»²⁷.

— Ди, может уже накатим, а? — Кайра стукнула своим бокалом о его, звон разнесся по комнате. Ди вздрогнул, будто ее голос перерезал невидимую нить, связывающую его с клавишами. Кайра говорила нарочито громко, словно играла роль в плохой пьесе. — Или ты тоже стал слюнтяем в галстук, как эти куклы?

Она высоко подняла свой бокал. Ди усилием воли заставил себя не смотреть на рояль.

— За знакомство, чуваки! Я тут не для того, чтобы лить слезы!

Родители хмуро посмотрели на Кайру. «Ничего нового, Дэниэл в своем репертуаре» — читалось в их глазах. Дерек же, вопреки обычному, не спешил вступать в разговор. Он заботливо наливал своей невесте воду в высокий прозрачный бокал, и Ди ощутил что-то похожее на... зависть?

Дерек всегда был идеальным сыном. Не тем сыном, каким становятся, а тем, каким рождаются — с врожденным умением подбирать галстук под цвет глаз матери и смеяться ровно на треть секунды дольше, чем требовала вежливость. Его новая роль «идеального жениха» сидела на нем, как дорогуший пиджак — без единой складки. Ди снова мельком посмотрел на Розмари. Она смеялась над какой-то шуткой Дерек, и Ди внезапно остро захотел оказаться на месте своего брата. Быть идеальным сыном. Иметь идеальную невесту. И чтобы эта невеста смотрела на него так же, как Розмари смотрела на Дерек. Чтобы Розмари смотрела на него так, как смотрит на Дерек.

Ди поймал себя на том, что разглядывает ее губы, дрогнувшие в смехе. Они напоминали свежий шов — ровный, но с едва заметной кривизной, словно рана, которую он зашивал вчера втроем под светом фар амбуланса.

Его пальцы непроизвольно сжались, будто снова держали хирургическую нить, в подсознании щелкнул кадр из прошлого: пятнадцатилетний Дерек, аккуратно раскладывающий теннисные кубки на полке. Той самой, где Ди спрятал свой первый медиатор — сколотый треугольник, выкраденный из ящика с инструментами. Лакированные трофеи брата блестели, как стерильные скальпели, а медиатор лежал под ними, будто рана под повязкой.

«У тебя дар, Дэниэл. Настоящий, редкий дар пианиста. И что ты с ним делаешь?» — прозвучало за спиной. Отчим стоял в дверях, не отрываясь от Wall Street Journal²⁸. Его губы

²⁵ **Рояль Steinway** — рояль американской фирмы Steinway & Sons, эталон качества и одна из самых престижных марок в мире. Наличие такого инструмента в доме — безусловный маркер богатства и статуса семьи, даже если никто на нем не играет.

²⁶ **«Болеро»** — знаменитое оркестровое произведение французского композитора Мориса Равеля (1928), отличающееся нарастающим ритмом и мощностью. Сыграть его яростно — значит нарушить академические каноны.

²⁷ **«Лунная соната»** — фортепианная соната № 14 Людвига ван Бетховена, одно из самых известных классических произведений. Пассаж — быстрая последовательность нот.

²⁸ **WallStreetJournal** — одна из крупнейших и наиболее влиятельных деловых газет США. Ее чтение — обязательный

двигались так же размеренно, как сейчас у Розмари, только вместо смеха из них сыпался пепел пренебрежения: «Но эта гитара... этот твой уход в «уличную» музыку — это не карьера. Это инфантилизм. Ты просто не хочешь взрослеть и брать на себя ответственность. Займись чем-то полезным. Или ты хочешь жить в подвале?»

— Смотри, какая милота, — пробормотал он, жадно поднося бокал к губам и делая глоток шампанского. Пузырьки щекотали его горло, но он понимал, что вряд ли это спасет от ощущения, что он оказался в каком-то странном спектакле. Бокал дрожал в руке, расплескивая золотистую жидкость на засаленные рукава кожаной куртки и заливаясь в карман.

— Держу пари, они только ждут подходящего момента, чтобы улизнуть и потрахаться, — Кайра лениво провела пальцем по краю тарелки с устрицами, оставляя алый след от помады на идеальном фарфоре. Ее рука, пахнувшая табаком и травкой, юркнула под стол. Теплые пальцы с кольцом-черепом скользнули по его поясу, потянулись к ширинке. — Может, устроим шоу? Пусть полюбуются, как это делают по-настоящему...

Ди перехватил ее запястье, нащупав под кожей учащенный пульс — точь-в-точь как у той девчонки с передозом, которую он откачал на днях. Он тогда еле успел: игла шприца дрожала в его руках, а ее зрачки были шире, чем люстры в этом блядском особняке.

— Не сегодня, — прошипел он, нарочито громко кладя на тарелку вилку для морепродуктов. Металл звякнул о фарфор, сливаясь с тиканьем напольных часов — точной копии тех, что отсчитывали секунды до его побега десять лет назад.

Устрица оказалась переперченной. Пряность въелась в язык, как въедались крики матери, когда он поджигал дом. Но он заставил себя проглотить, стараясь не слишком явно пялиться на Розмари. Однако та почувствовала его взгляд и улыбнулась.

— Дэниэл, расскажи о себе. Я тебя почти не знаю, — ее голос прозвучал мягко, почти певуче. — Дерек говорил, что ты музыкант, но больше из него не вытянешь.

Кайра, не упуская возможности подколоть, игриво подмигнула:

— Ой, Ди, а расскажи-ка им, как ты на том концерте в «K17» устроил перформанс. Помнишь того уебка, который кричал, что наши песни — полное говно?

Ди резко пнул ее под столом. Перед глазами мелькнуло размытое воспоминание — ноотропил²⁹, виски, крики толпы. Он едва помнил, как пел, но отчетливо видел перекошенное злобой лицо того ублюдка, который посмел оскорбить их музыку.

— Ты же тогда... — Кайра не унималась, — снял штаны и обоср...

— Да, Розмари, я играю в группе, — резко перебил ее Ди, чувствуя, как жар разливается по щекам. — Мы выступаем в клубах.

Он гордился тем поступком — парни потом ржали до слез, а Кайра запечатлела весь позор того типа на Polaroid³⁰. Но сейчас, под теплым, чуть вопросительным взглядом Розмари, та пьяная выходка вдруг показалась ему по-детски жалкой. Не бунтом, а глупым ребячеством.

Розмари кивнула, ее голая лодыжка под столом скользнула вдоль рваного края его джинс. Ди дернулся, будто его ударило током. Не от боли — от этого нелепого контраста: ее гладкая, ухоженная кожа, пахнувшая дорогим кремом, и его потрепанные джинсы, еще пахнувшие дымом позавчерашнего концерта.

Этот мимолетный контакт — ее теплая кожа против его поношенной одежды — стал спусковым крючком. Потому что Розмари пахла чистотой и тем миром, который он когда-

атрибут делового человека, погруженного в мир финансов и корпоративных новостей.

²⁹ **Ноотропил** — лекарственный препарат (пирацетам), применяемый для улучшения мозгового кровообращения и памяти. В 1980-е годы в среде музыкантов, тусовщиков и людей, работающих на износ (как Ди), возникло народное поверье, что ноотропил помогает дольше не пьянеть или быстрее «протрезветь». На практике смешивание ноотропила с алкоголем дает непредсказуемый эффект: он может как усиливать, так и ослаблять действие спиртного. Часто это приводит к тяжелой интоксикации, провалам в памяти (амнезии), потере контроля над собой, неадекватной агрессии или расторможенности.

³⁰ **Polaroid** — марка фотоаппаратов и кассет для мгновенной печати снимков. Фотография выходила из камеры сразу после съемки и появлялась на глазах. В 80-е были невероятно популярны.

то знал: мальчик из хорошей семьи в отглаженной рубашке, игравший Шопена на рояле, что теперь стоял здесь, как надгробие его прошлой жизни.

В голове мелькнуло: 1978 год, дым, гитара, хриплый смех.

Никки рвет струны, Питер бубнит что-то про «сжечь этот город», а в углу — Джо и Джесси, будто застывший кадр из их школьных лет: она злится, он успокаивает, шепчет ей на ухо, едва слышно: «Ну хватит, ладно? На этот раз все будет по-другому. И он будет как ты...», как когда-то за партой в Шорт-Хиллз³¹, когда Ди еще верил, что они все выберутся куда-нибудь вместе.

Ди затачивается, наблюдая. Джо любит ее. Любит их. Но это уже не те дети, что играли Бетховена на школьном рояле и курили за спортзалом.

А скоро — сирены, арест, Питер в запое. Через месяц после того, как решетка захлопнулась за Джо, Джесси потеряет эту надежду. Выкидыш. Второй.

И в этом же году Ди уже режет вены в ванной.

Розмари осторожно коснулась его руки, вырывая из воспоминаний:

— Должно быть, у вас очень... экспрессивные выступления.

Ее пальцы были холодными — странно холодными для уютной столовой. Ди вдруг с болезненной ясностью представил, как она смотрит на ту похабную фотографию с концерта. Как ее глаза расширяются от шока. Как что-то чистое и светлое в ее взгляде гаснет.

— Это было... — он начал и замолчал.

Как объяснить то, что сам до конца не понимаешь? Как рассказать про грязь под ногтями и рваные кроссовки, про вонь дешевого бара и хруст разбитых бутылок под ботинками? Про то, как музыка становится единственным способом доказать, что ты еще жив?

— А вы... часто выступаете? — спросила Розмари. Ее голос звучал, как тихий перебор струн.

Ди закусил губу. Он мог бы рассказать, как Никки писал тексты под горящую гитару, изгибаясь в очередном припадке, а Джо выбивал ритм даже в тюремной камере. Как Питер, напившись, сочинил их лучший хит на салфетке в баре. Никки, Джо, Питер и он, Ди — они были не просто группой, они были бандой. Они всегда были рядом друг с другом, поддерживая и вытаскивая друг друга из самых темных мест. Музыка была их единственным спасением, их способом справляться с жизненными трудностями. Но вместо этого пробормотал:

— У нас напряженный график.

Его взгляд сам собой потянулся к роялю. Пальцы непроизвольно сжались, нервно подрагивая — он почти физически ощущал шершавую текстуру слоновой кости под подушечками, холодные клавиши, отзывающиеся едва заметной вибрацией.

Блядский Дерек.

Забрал его из родительского дома — не потому, что хотел сохранить память, а просто чтобы поставить в углу, как еще один трофей. Как доказательство, что даже это он умеет делать «правильно». Дерек ненавидел музыку. Для него рояль был всего лишь дорогой мебелью, обязательной в списке «идеального наследника»: винотека, библиотека, концертный Steinway...

А Ди...

Ди сходил с ума от одного только вида этого рояля.

Он помнил, как в шестнадцать прокрадывался в гостиную ночью, босыми ступнями нащупывая холодный паркет, чтобы играть, пока дом не проснется. Как после побега сочинял мелодии, стуча пальцами по столу в дешевых забегаловках — у них не было денег даже на подержанное пианино, не то что на такую махину. Как однажды, пьяный и злой, час простоял

³¹ **Шорт-Хиллз (ShortHills)** — элитный пригород Нью-Йорка в штате Нью-Джерси, место проживания очень обеспеченных семей. Упоминание этого места сразу говорит о богатом и благополучном детстве.

у витрины музыкального магазина, глядя на вертикальное «Baldwin Hamilton»³² за 300 баксов — и ушел, так и не зайдя внутрь.

Он написал десятки песен.

Для рояля, который теперь молчал в углу, как предатель.

Для Никки, который смеялся, заливая героин в вену: «Напиши-ка нам что-нибудь веселенькое, Бетховен».

Для Мэри и Джона — они умерли в один день, обнявшись, будто даже смерть не могла их разлучить.

Для Джека, который так и не увидел весну.

Для Рейчел, которая так и не стала женщиной — только на надгробии.

Для бездомного у метро «Астор Плейс»³³, напевавшего блюз на разбитой гармошке.

Для Элис — шестнадцатилетней проститутки, смотревшей на его слова о любви, как на бред с другой планеты.

Для той девчонки на углу 42-й и Бродвея³⁴, чье лицо он не разглядел, чье имени не спросил, но чьи слова «ты меня спас» врезались в память острее бритвы и жарче похмелья — слова, которые дали ему силы выживать все эти семь лет.

Для Анастасии Петровны. Маленькой, сухонькой бабушки в стоптанных валенках, которая волновалась, чтобы «ребятки» поели.

Для девушки с алыми губами, чье лицо стерлось из памяти, но чьи пальцы он помнил — холодные, дрожащие, липкие от его крови, когда она вытаскивала его из ванны в том проклятом 78-м.

Для матери, которая когда-то плакала, услышав, как он играет Шопена, — до того, как научилась ненавидеть его музыку.

Для всех тех, кто не дожил до того, чтобы увидеть, как их мечты превращаются в пыль.

А еще — для того самого Ди, что однажды простоял час у витрины музыкального магазина, глядя на «Baldwin» за 300 баксов, но так и не зашел внутрь. Потому что деньги были нужны на похороны Колина.

Сыграть бы сейчас, прикоснуться к любимому инструменту. Рассказать Розмари, как жестокая реальность сломала им мечты, но не сломала их...

Ди представил, как прикоснулся бы к клавишам, выдохнув все: голодные концерты в подвалах, ночные вызовы, старые песни, которые они пели, спасаясь от черной дыры отчаяния...

— Музыка помогает, — внезапно вырвалось у него.

Розмари улыбнулась, и в ее глазах вспыхнуло что-то настоящее. Кайра лишь фыркнула, разглядывая свои облупленные черным лаком ногти.

Он не добавил, что музыка — единственное, что удерживает его от края. Не сказал, что вчера, вытаскивая ребенка из-под обрушившейся балки в горящем сквоте³⁵ на Крестоне³⁶,

³² **BaldwinHamilton** — модель вертикального пианино американской фирмы Baldwin, популярная в школах и домах среднего класса. Стоимость в 300 долларов в 70-80-е была значительной суммой.

³³ **Астор Плейс (Astor Place)** — площадь и станция метро в Нижнем Манхэттене, на границе Ист-Виллидж. В 70–80-е годы — культовое место сбора панков, готов, уличных музыкантов и прочего андеграунда. Бездомный с гармошкой у метро "Астор Плейс" — типичный персонаж того времени и места.

³⁴ **42-я улица и Бродвей** — перекресток в центре Манхэттена, который в 70-80-е годы был эпицентром порнобизнеса, проституции, наркоторговли и городского дна. Сейчас этот район облагоустроен, но тогда это было одно из самых опасных и грязных мест города.

³⁵ **Сквот** — заброшенное или пустующее здание, самовольно занятое для жилья людьми, у которых нет денег на аренду (сквотерами). В Нью-Йорке 80-х сквоты были рассадниками преступности, но также и центрами альтернативной культуры.

³⁶ **Крестон (Creston Avenue)** — улица в Южном Бронксе, районе, который в 80-е годы был символом трущоб, наркоторговли, банд и частых пожаров.

механически повторял в такт компрессиям³⁷ ритм «Staying Alive»³⁸, чтобы не слышать ни материнских рыданий из дыма, ни криков «Fuego!»³⁹ за спиной.

Розмари проследила за направлением его глаз. Черный лакированный корпус отражал дрожащий свет люстры, будто подмигивая.

— Дерек говорил, ты прекрасно играешь, — ее голос прозвучал мягко, перекрывая звон бокалов. — Сыграй что-нибудь. Пожалуйста.

Тишина упала как нож. Дерек застыл с вилкой в воздухе, кусок ростбифа капнул соусом на скатерть.

— Он играл. Когда-то, — скривился Дерек, но в его голосе прозвучало что-то странное — не насмешка, а скорее... досада? — Но это было давно. Теперь он, наверное, только на гитаре бренчит.

Ди уже вставал, слыша в ушах гул собственного сердца — тот самый, что сопровождал его на вызовах, когда счет шел на секунды.

— О, это будет весело! — Кайра хлопнула в ладоши, ее голос звенел, как разбитая бутылка. — Ди, покажи этим зажавшимся свиньям, как надо играть!

Его пальцы коснулись клавиш прежде, чем он успел передумать. Холодная слоновая кость встретила кожу как старый друг.

Сколько раз он просыпался ночью от кошмара — он нажимает на клавиши, но звука нет. Сколько раз он торчал возле старенького пианино в приюте Святой Марии, мучая несчастный расстроенный инструмент до боли в пальцах. Сколько раз он долбил чертов синтезатор у Билли. Это все было не то. Словно все время трахал дешевых шлюх — а тут жизнь подарила ему настоящую любовь.

Глубокий вдох. Дрожь в руках. Пауза. Как перед прыжком.

«Мой мимолетный рай» — эту вещь он выгрыз из себя в двадцать, когда фальшивая свобода обернулась тремя работами, пустым холодильником и вечным выбором — купить струны или хлеб.

Она впилась в него — в одну из тех ночей, когда тишина гудела в ушах, как перегруженный усилитель⁴⁰. Никто не слышал, кроме потрескавшихся стен. Играть ее вслух? Смешно.

Она выжглась в квартире, где воздух был густ от плесени и проклятий, пока Джо гнил в участке, Питер топил себя в виски, а Никки, стиснув зубы, делил с ним последнюю сигарету. Они писали тогда, как сумасшедшие — не песни, а крики, запечатанные в аккордах, будто если сыграть их достаточно громко, боль вырвется наружу и наконец-то замолчит. Они писали не от вдохновения — от ярости, не для славы — чтобы не сойти с ума.

Она пульсировала в такт его шагам по железным ступеням пожарной лестницы — резких, рваных, будто удары метронома. Рассвет лип к подошвам, карманы пустые, а в груди — адская топка, где горели и долги, и злость, и эти проклятые надежды, от которых не избавиться.

³⁷ **Компрессии (грудной клетки)** — ритмичные и сильные нажатия на грудину, которые проводятся при непрямом массаже сердца во время сердечно-легочной реанимации, чтобы искусственно поддерживать кровообращение.

³⁸ «Staying Alive» (группы Bee Gees) — знаменитая диско-песня из фильма «Лихорадка субботнего вечера». Ее ритм (около 103 ударов в минуту) идеально совпадает с рекомендуемой частотой компрессии при реанимации, поэтому медики часто мысленно напевают ее, чтобы не сбиться с ритма.

³⁹ «Fuego!» — испанское слово, означающее «Огонь!». Большое количество латиноамериканских иммигрантов делало испанский язык очень распространенным в бедных кварталах Нью-Йорка.

⁴⁰ **Усилитель (гитарный усилитель, комбоусилитель)** — устройство, которое подключается к электрогитаре, чтобы сделать звук громким и, что важнее для рок-музыкантов, придать ему характерные искажения («перегруз», «драйв», «дисторшн»). В зависимости от модели и настроек, звук может быть «грязным» (агрессивным, рычащим) или «чистым». В 80-е годы для панк- и рок-групп гитарный усилитель был не просто техникой, а почти живым участником группы, определяющим ее саунд.

Она была как порез — тонкий, точный, неизбежный. Она начиналась тихо, как стук капель по грязной лестнице, но потом взрывалась громом, словно все их беды прорывались наружу через трещины в душах.

Первые ноты вспорхнули, как птицы из ржавой клетки, и Ди увидел, как глаза Розмари расширились.

«Прекрати!» — рыкнул отчим когда-то.

«Играй громче!» — орали пьяные посетители подпольных клубов.

Педадь сустейна⁴¹ гудела, как поезд в туннеле, а рояль выл яростью всех этих потерянных лет. Ди давил на клавиши, словно хотел выжать из них всю грязь, всю боль, всю ту дешевую водку, что лилась рекой в их прошлом.

Розмари ахнула, и в ее глазах он увидел то, чего не было ни у пьяной толпы в подпольных клубах, ни у его отчима — понимание.

— Доволен? — Ди на мгновение обернулся к Дереку, замечая, как тот сжимает салфетку в кулаке. — Твой мертвый ящик еще может петь.

Но играл он только для Розмари.

Для той, что смотрела не на его грязные ногти или потертые рукава, а сквозь них — туда, где когда-то прятался тот самый мальчишка, который верил, что музыка спасет.

И впервые за долгие годы он почти поверил в это снова.

Потому что впервые за долгие годы эта песня — его песня — звучала не о боли.

Она звучала о том, что после нее — может быть что-то еще.

Последний аккорд замер в воздухе, и наступила та странная тишина, которая бывает только между ударом и болью.

Мать застыла, ее пальцы сжали край скатерти так, что побелели костяшки. Глаза — голубые, как у него — вдруг стали какими-то далекими, будто она смотрела не на него, а сквозь.

«Отец...» — мелькнуло у Ди.

Но нет, он же никогда не знал его. Только смутные обрывки: «музыкант», «бросил», «ошибка 1958 года».

Отчим сидел, выпрямив спину. Его лицо оставалось каменным, но правая бровь чуть дрогнула — едва заметное признание.

«Техника есть. Но это все равно шум» — будто говорил этот взгляд.

Кузина Шарлотта — все еще казавшаяся ему девчонкой в своем розовом платье — вдруг захлопала в ладоши:

— Ой, как красиво! — ее голос прозвучал чуть выше, чем у взрослых, вырвавшись из гнетущей тишины. Глаза, широко распахнутые, светились искренним, почти детским восторгом. — Помнишь, Дэнни? Ты мне такую же быструю песенку играл, когда я болела корью? Только тогда... тогда было веселее. А это... — она запнулась, ее взгляд скользнул по его осунувшемуся лицу, потертому рукаву, и в нем мелькнуло что-то новое, взрослое, — ...это как гроза. Сильно. И... пронзительно. Очень!

Она резко замолчала, когда тетя Мэдди шикнула на нее: «Шарлотта! Довольно!» — и резко дернула ее за локоть. Девушка покраснела, смущенно опустила глаза, но легкая дрожь восторга все еще бежала по ее губам.

Дерек молчал. Он смотрел на Розмари — а Розмари смотрела на Ди.

И в глазах брата мелькнуло что-то новое. Не злость. Не зависть.

Растерянность.

Растерянность человека, который вдруг осознал, что его безупречные гаммы — всего лишь правильные, пустые звуки.

⁴¹ **Педадь сустейна** — правая педадь фортепиано. При ее нажатии все сыгранные ноты звучат дольше обычного, переливаясь и смешиваясь друг с другом, создавая более полное и певучее звучание.

А Розмари...

Розмари не аплодировала. Не вскрикнула от восторга. Она просто... замерла.

Ее пальцы бессознательно сжали край стола, костяшки побелели. Губы слегка приоткрылись — не для того, чтобы что-то сказать, а будто после удара под дых, не в силах втянуть воздух. Глаза, обычно такие теплые, потеряли фокус, стали бездонными и ясными, словно в них взорвалась правда, слишком огромная для слов.

— Ты... — ее голос сорвался на шепот.

Она не договорила. Не стала говорить, что это было прекрасно. Что это трогает. Что она впечатлена.

Потому что это было не то.

Ди видел — она поняла.

Поняла, что музыка для него — не развлечение. Не хобби. Даже не страсть.

Это воздух.

Это боль.

Это последняя нить, на которой держится рассудок, когда все остальное уже рухнуло.

И самое страшное — в ее взгляде не было жалости.

Было узнавание.

Как будто она тоже знала, каково это — цепляться за звуки, когда вокруг только тьма.

Ди резко опустил руки с клавиш.

Ему вдруг стало страшно.

Не от их осуждения.

От того, что она — увидела.

Увидела то, о чем он даже себе не признавался.

Что где-то внутри — он все еще верит.

И в этот самый миг, когда связь между ними казалась почти осязаемой, когда воздух звенел от невысказанного, тишину разорвал резкий, ненавистный звук.

— Это что за дьявольщина?! — бабушка Глэдис ударила вилкой по хрустальному бокалу, и звон разнесся по комнате, как выстрел. — В нашем доме играют Бетховена, а не этот... этот бред сумасшедшего!

Ее лицо покраснело от возмущения. Тетя Мэдди тут же подхватила, кивая, как марионетка:

— Совершенно верно! Ни мелодии, ни гармонии — один хаос!

Ди резко повернулся к бабушке Глэдис, его пальцы уже лежали на клавишах.

— Бетховен, говоришь, бабуля? — он ядовито усмехнулся. — Прекрасный выбор. Знаешь, что мне в нем нравится больше всего? — он не ждал ответа. — То, что он был глухим. Представь: мир замолкает. Совсем. А ты... ты все равно садишься к инструменту. И играешь. Не потому что хочешь, а потому что не можешь не играть. Музыка внутри — она бьется, как сердце. Или как гнойник, который вот-вот прорвется. Ты ее слышишь тут, — он ткнул пальцем себе в висок. — Или тут, — кулак ударил в грудь, над сердцем. — И плевать, что вокруг тебя слышат только тишину или... — его взгляд скользнул по отчиму, тете Мэдди, задержался на Дерекке, — ...или вот эту блевотную вежливость. Ты играешь. Потому что если не сыграешь — сдохнешь. Или сойдешь с ума. Или и то, и другое сразу.

Он резко развернулся обратно к роялю. Плечи дернулись в странном, нервном движении. Пальцы, только что игравшие его собственную боль и едва уловимое обещание рассвета, зависли над клавишами.

— Так что насчет твоего Бетховена, бабка? — он бросил слова через плечо, уже не глядя на нее. — Держи.

Первые ноты «Лунной сонаты» упали в гробовую тишину не мелодией, а ударом молота. Глухим, тяжелым, мрачным. Ди не играл адажио⁴². Он выдавливал его из инструмента, из себя. Каждая басовая нота в левой руке — это был шаг по сырому подвалу его жизни. Мерный, неумолимый, давящий. Правой рукой он не извлекал нежную мелодию, а вырезал ее. Звуки были резкими, почти надломленными, как его собственные нервы.

Это был не Бетховен салонов. Это был Бетховен, который слышал музыку внутри, когда мир снаружи погрузился в вечную, оглушительную тишину. Бетховен, который играл, несмотря на боль, на отчаяние, на непонимание. И Ди играл так же. Он играл не для них. Он играл, потому что эта музыка жила в нем — гулкая, как кровь в висках после бессонной смены в амбулансе, навязчивая, как запах дезинфекции и смерти.

Он играл о глухоте. О глухоте мира к его крикам в подростковые годы. О глухоте семьи к его боли. О глухоте системы, в которой он барахтался. Он играл о том, как музыка оставалась единственным способом услышать самого себя, когда все остальные звуки были ложью или приговором.

— Ты слышишь? — он резко повернул голову, и его глаза горели. — Это не для красивых салонов. Это для тех, у кого внутри все разорвано в клочья. Это когда болит, а ты все равно играешь. Когда глоснешь, а музыка в тебе звучит громче, чем когда-либо.

Ди замолчал, дав нотам прозвучать, и потом прошептал:

— А ты знаешь, почему я играю, бабуля? Потому что мне тоже похуй, слышит кто-то или нет. Я играю, даже когда мне хочется сдохнуть. Играю, когда руки в крови. Играю, когда единственное, что остается — это боль.

Он закончил сонату резким, отрывистым аккордом и откинулся назад, глядя на бабушку с вызовом.

— Вот это — Бетховен. Не твой вылизанный салонный моцартик для чаепитий. Это музыка, которая выгрызает тебя изнутри. И если ты этого не понимаешь — может, тебе пора на свалку истории вместе со своим фарфором.

Бабушка Глэдис побледнела. Тетя Мэдди ахнула. Отчим хмуро сжал губы, но ничего не сказал — потому что спорить с техникой было бессмысленно.

Розмари не шелохнулась. Казалось, она даже не дышала. Ее пальцы по-прежнему сжимали край стола, будто это был якорь в бушующем море его звуков и слов. Глаза, все так же широкие, теперь были наполнены не шоком, а глубоким, почти невыносимым пониманием. Они смотрели сквозь него — туда, где жила эта неубиваемая, яростная потребность играть.

— Ты играешь, как будто завтра не существует, — прошептала она, и ее голос был тише тиканья часов над камином, но отчетливей грома.

Ди резко фыркнул, отводя взгляд.

— Ну, блять, может, завтра и правда не будет, — бросил он, стараясь, чтобы голос звучал привычно цинично, но внутри все сжалось в комок. — А если и будет — что с того? Мир-то все равно говно полное.

— И ты играешь, потому что музыка... — Розмари не отводила взгляда, ее слова падали тяжело и ясно, — ...она не спрашивает, почему тебе больно. Она просто дает тебе голос, когда собственный отказывает.

Эти слова — ее слова — попали в самую сердцевину точнее любой его ноты. Они обнажили ту простую, страшную правду, которую он даже себе не формулировал. Музыка была его голосом, когда его собственный превращался в хриплый стон отчаяния или застревал комом гнева в горле. Она вытаскивала наружу то, что не могло быть высказано словами — ни в подворотне, ни в амбулансе, ни перед лицом этой лживой семейной идиллии.

⁴² **Адажио (adagio)** — музыкальный термин, обозначающий медленный темп. Первая часть «Лунной сонаты» написана именно в этом темпе и традиционно исполняется очень певуче и печально. Ди играет ее иначе.

Он не добавил, что она права. Что если бы завтра мир сгорел — он бы все равно играл. И, кажется, она бы слушала. Но это признание, даже мысленное, было страшнее любой драки. Потому что означало, что она увидела все. Не только его ярость, но и ту немую мольбу, спрятанную в самой глубине звука.

Его пальцы, только что владевшие клавишами с такой силой, непроизвольно сжались в кулаки на коленях, спрятанные от всех. Они дрожали — не от усталости, а от этого внезапного, оглушительного чувства — быть понятым. И это было куда опаснее, чем любое непонимание.

— Я приду.

Слова Розмари прозвучали тихо, но с такой же неотвратимостью, как финальный аккорд его сонаты. Она не спрашивала. Она заявляла.

Ди резко дернул головой, будто от пощечины.

— Куда? — хрипло выдохнул он, хотя прекрасно понял.

— На твой концерт, — она смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда. В ее янтарных глазах не было ни сомнения, ни кокетства. Была только железная решимость. — Когда ближайший?

Ди нахмурился, вспомнив их концерты. На прошлом концерте Никки обмазался кровью и голый бегал по сцене, трясая своим хером на глазах у довольной публики. Потом целомудренно прикрылся гитарой, но Ди-то все помнил. Питер набухался и заблевал барабаны. Впрочем, это не мешало ему играть, поднимая фонтанчики блевотины. А он сам... Он помнил только вспышки света перед глазами и ощущение свободного падения, когда свалился со сцены. Джо потом клялся, что видел, как Ди пытался трахнуть микрофоном одну из фанаток, но Джо после тюрьмы вообще редко говорил что-то осмысленное.

— Не надо, — выпалил он резче, чем хотел. В глазах Розмари мелькнуло удивление, но не обида. — Там... не для тебя. Шум, грязь, пьяные дебилы. Ты там задохнешься в своем белом костюме за пять минут.

Он видел это в голове как кошмар: Розмари, эта хрупкая фарфоровая кукла, среди вони пива и пота в «K17», пока он орет в микрофон похабные куплеты про дешевый крэк и групповухи, а Питер блюет на свои тарелки. Его собственная музыка, та, что вырвалась здесь, под взглядом ее понимающих глаз, там была бы растоптана, оплевана, превращена в пародию. Он не мог допустить, чтобы она это видела. Не она. Не это.

— Я не про костюм, — она слегка наклонила голову, и в ее взгляде читался не вызов, а... упрямое любопытство. — Я про музыку. Ту, что внутри.

— Внутри там только пиздец и тупое баловство, — рявкнул Ди, резко захлопнув крышку рояля. Он не мог больше этого выносить. Ее настойчивость, этот ее взгляд, который, казалось, видел сквозь все его баррикады прямо к той немой мольбе о чем-то большем... Это было невыносимо. — Забудь.

Он отвернулся, не глядя, видела ли она, как его рука снова дрогнула. Бабушка Глэдис громко хмыкнула где-то сзади, но промолчала. Они вернулись за стол, Ди судорожно налил себе еще шампанского. Несмотря на дружелюбную атмосферу, он все равно чувствовал жопой, что этот милый семейный ужин добром не кончится. Нужно было как-то увести тему подальше от музыки.

— Розмари, — светским, чуть язвительным тоном обратился он к девушке, стараясь разрядить напряжение, — а как вы с Дерекком познакомились? Надеюсь, не на каком-нибудь скучном благотворительном вечере?

Розмари повернулась к нему, и Ди увидел, как ее глаза — эти странные, слишком живые для этого дома глаза — вспыхнули азартом. Она не потянулась к кольцу, не опустила взгляд. Вместо этого она откинула голову назад, и свет люстры заиграл в ее золотистых волосах.

— О, это было на третьем курсе, — ее голос внезапно стал тише, почти заговорщическим. — Мы вместе учились в Колумбии⁴³. Осень 81-го. Я как раз готовилась к экзамену по корпоративным финансам...

— А наш Дерек, видимо, подбирал литературу по эксплуатации рабочих? — вставил Ди, наблюдая, как у брата дернулся глаз.

Но Розмари лишь рассмеялась, и в этом смехе было что-то дикое, несовместимое с ее безупречным образом.

— Почти угадал! — она игриво подмигнула. — Он как раз писал работу о социальной ответственности бизнеса. И представьте, у нас оказался один источник — редкое издание 1937 года. Всего один экземпляр в библиотеке.

Ди почувствовал, как что-то екнуло в груди. Всего минуту назад ее глаза горели тем самым настоящим огнем, когда она говорила о его музыке — огнем понимания, который обжигал и согревал одновременно. А теперь... Теперь она втирала эту лапшу. Идеально упакованную романтическую сказку для семейного альбома. Он видел, как ее пальцы нервно перебирают край скатерти — странно, этот жест напомнил ему Кайру, когда та врала про отсутствие крэка. Но здесь все было обернуто в шелк и жемчуг. Даже ее нервозность выглядела неестественно изящной.

— Мы три дня сидели за одним столом, — продолжала Розмари, и ее голос вдруг стал теплее, — и к концу третьего Дерек предложил... — она сделала драматическую паузу.

Ди стиснул зубы. После той тишины, что повисла после его последнего аккорда, после того, как она увидела самую сокровенную трещину в его душе... Этот сладкий лепет о библиотечных свиданиях резал слух, как фальшивая нота.

— Купить тебе этот чертов учебник? — вставил он, голос прозвучал хриплее, чем хотелось.

— Разделить его пополам, — закончила она, и в ее глазах вспыхнуло что-то настоящее. — Буквально. Он разрезал книгу хирургическим ножом ровно посередине.

Дерек вдруг закашлялся в салфетку, а мать Ди ахнула. Но Розмари только засмеялась — звонко, задорно, безо всякого притворства.

— А потом оказалось, что ему этот учебник вообще не нужен был.

— Зато нужна была ты, — тихо сказал Дерек, и Ди увидел, как пальцы брата сжали ее руку — нежно, но так, будто боялся, что она исчезнет.

— А потом, — продолжала Розмари, сияя, но с легким упреком в голосе, — мы обнаружили, что оба без ума от Италии.

Ди заметил, как ее пальцы произвольно сжали салфетку при этих словах, но она тут же заставила себя расслабиться.

— И на мой день рождения Дерек... — она покачала головой, — он снял виллу в Тоскане⁴⁴ на целый месяц! В самый разгар моей учебы!

Ди почувствовал, как его пальцы произвольно сжимают бокал. Он представил их там — Розмари в легком платье, бегущую по оливковой роще, Дерек, снимающего с нее соломенную шляпу... И эту проклятую жемчужную булавку на его безупречном пиджаке, блестящую на закате.

— Я была в ужасе! — рассмеялась она, но смех прозвучал немного вынуждено. — В конце семестра, когда у меня были экзамены по корпоративным финансам и эконометрике⁴⁵...

⁴³ **Колумбия** — имеется в виду **Колумбийский университет** (Columbia University) в Нью-Йорке (Манхэттен), один из старейших и самых престижных университетов США, входит в Лигу плюща.

⁴⁴ **Тоскана** — область в центральной Италии, один из самых живописных и престижных регионов, символ «сладкой жизни», вина, оливковых рощ и романтики для богатых.

⁴⁵ **Корпоративные финансы, эконометрика** — сложные академические дисциплины, изучаемые на экономических факультетах престижных университетов. Упоминание этих предметов подчеркивает «правильность», серьезность и ориенти-

Но Дерек — он устроил все так, что пришлось согласиться, — ее глаза блестели, когда она повернулась к жениху, но Ди поймал в них что-то еще — усилие. — Он договорился с деканатом, нанял мне репетитора в Италии... даже привез пишущую машинку IBM⁴⁶, чтобы я могла делать работы.

Ди фыркнул, представив эту картину: Розмари за машинкой на тосканской веранде, в окружении учебников... и Дерек, который наверняка стоял рядом с бокалом кьянти⁴⁷, довольный собой.

— Но потом... — голос Розмари внезапно стал тише, почти интимным, — он выкрал меня на три дня. Буквально. Запер все учебники в сейф, увез в Трастевере⁴⁸... — она замолчала, будто эти воспоминания были слишком личными. — А потом мы ели джелато⁴⁹ в той крошечной лавочке возле фонтана Черепях⁵⁰, где туристы никогда не бывают.

— И она там заговорила, — неожиданно вставил Дерек, смотря на Розмари с мягкой улыбкой. — На чистейшем итальянском, с каким-то старомодным римским акцентом, от которого у продавца глаза на лоб полезли, — он покачал головой. — А я до сих пор путаю «*ti amo*» и «*mi piace*»⁵¹, как последний турист.

Розмари засмеялась, прикрыв рот ладонью, но Ди снова уловил то едва заметное напряжение в уголках ее глаз.

— *Dio mio*⁵², это было ужасно! Он заказал нам ужин и сказал официантке, что паста ему «нравится», с таким видом, будто делает предложение руки и сердца!

Ди машинально поднес бокал к губам, но не пил. Всего несколько минут назад ее восхищение его игрой, это понимание чего-то самого сокровенного в нем, согревало его изнутри странным, почти забытым теплом. Было приятно, черт возьми, почти пьяняще — видеть, как эти слишком живые глаза горят не дежурным интересом, а настоящим откликом на его музыку. Она слышала не просто ноты — она слышала его. Казалось, на миг между ними протянулась тонкая, хрупкая нить чего-то общего.

Но теперь, слушая ее сладкий рассказ про разрезанные учебники и украденные выходные в Риме, этот мимолетный комфорт сменился знакомой, едкой горечью. Он чувствовал себя дураком. Какая связь? Какое общее? Ее мир был выстроен из другого материала: безупречных костюмов, библиотечных раритетов, вилл в Тоскане и романтических жестов, доступных только таким, как Дерек — с их деньгами, связями и врожденным умением все делать «правильно». Ее восхищение его музыкой вдруг показалось Ди случайной вспышкой, минутным любопытством к экзотическому животному в зоопарке. А ее настоящая жизнь, ее настоящая любовь — вот она, сидит рядом, идеально причесанная, с жемчужной булавкой на лацкане. Их история была как глянцевая открытка — красивая, предсказуемая, выверенная до мелочей. Совсем не та оголенная правда, что вырвалась из-под его пальцев у рояля.

Почему-то стало трудно дышать. В горле стоял ком — не столько от зависти, сколько от внезапного, унижительного осознания пропасти. Почему у него никогда не было таких дурац-

рованность Розмари на карьере и статус.

⁴⁶ Пишущая машинка IBM — в 80-е годы пишущие машинки фирмы IBM (ай-би-эм) считались самыми совершенными и дорогими, стандартом для профессиональной и деловой среды. Наличие такой машинки — маркер высокого достатка и серьезного подхода к учебе/работе.

⁴⁷ Кьянти (Chianti) — известное итальянское красное вино из Тосканы. Символ уютных, романтических ужинов и «итальянского стиля жизни».

⁴⁸ Трастевере (Trastevere) — исторический район Рима, известный своими узкими улочками, старинными домами, аутентичной атмосферой и отсутствием массового туриста. Романтическое место для «посвященных».

⁴⁹ Джелато (gelato) — итальянское мороженое, которое отличается от обычного более плотной и насыщенной текстурой.

⁵⁰ Фонтан Черепях — знаменитый фонтан в Риме. Одно из любимых мест туристов и влюбленных.

⁵¹ «*Ti amo*» и «*mi piace*» — итальянские фразы. «*Ti amo*» — «я тебя люблю» (сильное чувство). «*Mi piace*» — «мне нравится» (менее сильно, может относиться и к еде, и к человеку). Путаница между ними создает комичный эффект.

⁵² *Dio mio!* (итал.) — «Боже мой!»

ких, слащавых, но таких... легких моментов? Почему в его жизни были только пьяные оргии в грязных подвалах да одинокие ночи в съемных квартирах с прогнившими полами? Почему он не мог быть тем, кто вызывает такие чистые, светлые эмоции у кого-то другого?

Хотя был. Все это было. Один раз. Школа, рыжие волосы, запах сандала и смех, от которого хотелось жить. Но он запретил себе об этом думать — слишком давно, слишком больно. Те воспоминания были заперты в той части души, которую он заколотил досками еще в семнадцать, когда все рухнуло. Лучше считать, что ничего не было. Легче.

Потому что такая вспышка света обошлась ему слишком дорого. И после этого стало еще темнее.

Дерек, до этого такой невозмутимый, вдруг покраснел до корней волос. Он сделал вид, что поправляет манжету, но Ди знал этот жест — брат так всегда делал, когда смущался в детстве.

— Зато ты сдала экзамены на «отлично», — пробормотал Дерек, избегая взглядов. — И... запомнила фразу «l'amore vince tutto».

Розмари застыла на мгновение, ее губы дрогнули в подобии улыбки.

— Любовь побеждает все, — повторила она на безупречном итальянском, но в ее голосе не было убежденности, только горькая ирония. Глаза скользнули к Дереку, и в них мелькнуло что-то неуловимое — не страх, но скорее... осторожность, будто за красивой фразой пряталась какая-то старая, невысказанная боль.

Ди, привыкший ловить фальшь в голосах (сколько раз ему ввалили пациенты, что «все в порядке», пока их кишки вываливались на пол?), почувствовал.

Она не верит в свои слова.

Ее пальцы слегка дрожали, когда она поправляла браслет.

Ее взгляд на секунду убежал в сторону — будто искал выход.

И самое главное — она не смотрела на Дерек, когда говорила это.

Дерек, напротив, обычно каменный, неожиданно просиял. Всего на секунду — но Ди успел уловить это. Брат прикрыл рот рукой, будто пряча улыбку, и Ди вдруг вспомнил, как в детстве они тайком ели вишневое варенье на кухне. Такого Дерек он не видел лет двадцать.

Ди вдруг почувствовал знакомое жжение в груди. Он верил в любовь — ту, что сжигает дотла, ту, ради которой стоит терять голову. Он знал, что такая любовь существует. Но для таких, как он, она всегда оказывалась билетом в один конец.

Любовь всегда была для таких как Дерек — чистых, правильных, с их виллами в Тоскане и кьянти — да, пожалуйста. А ему, Ди, с его грязными волосами, шрамами от игл и вонючей косухой — разве что пьяный секс в подворотне да пустые обещания фанатов, которые к утру все равно исчезнут.

Он резко сбросил руку Кайры.

— Любовь не побеждает, — неожиданно для себя сказал он, глядя куда-то поверх бокала. — Она просто... есть. Как пожар. Можно сгореть. Можно пытаться тушить. Но когда пламя рядом — ты хотя бы понимаешь, что живешь.

Тишина повисла в воздухе, густая, как дым после выстрела.

Мать замерла, ее пальцы сжали край скатерти, а дыхание застряло в горле коротким, обрывистым движением. В ее глазах мелькнуло что-то далекое — не то воспоминание, не то тень сожаления. Она не смотрела на Ди, а куда-то сквозь него, будто видя не его, а кого-то другого. Возможно, того самого музыканта, который когда-то подарил ей мечты, а затем исчез, оставив лишь сына с его проклятыми темными волосами.

Отчим фыркнул, поправляя галстук. Его взгляд был холодным, расчетливым.

— Любовь — это роскошь для тех, кому нечего терять, Дэниэл. Или иллюзия для дураков. Ответственность — вот что скрепляет мир. Та самая, что заставляет надевать галстук и выполнять обязательства. Все остальное — хаос, в котором ты, как я вижу, решил утонуть.

Бабушка Глэдис буркнула что-то под нос, но пока сдерживалась — лишь ее жемчужное ожерелье дрожало от негодования.

— В наше время любовь была делом чести, а не каким-то... пламенем, — процедила она, бросая на Ди взгляд, полный осуждения.

Тетя Мэдди тут же подхватила:

— Совершенно верно! Нынешняя молодежь только и знает, что страдать да драмы устраивать. А потом удивляются, почему браки распадаются!

Кузина Шарлотта, юная и романтичная, застенчиво улыбнулась:

— Но разве любовь не должна быть... яркой? Как в книгах?

Тетя Мэдди тут же нахмурилась и резко одернула ее:

— Закрой рот, девочка. Ты еще ничего не понимаешь.

Дерек не спускал глаз с Розмари. Взгляд — не привычно-холодный, не тот, каким он смотрел на деловые бумаги или семейные портреты. В его глазах было что-то почти... человеческое.

«Черт, он действительно любит ее.»

Не так, как в дурацких романтических комедиях, не так, как в рекламе дорогих духов. А по-своему — жестко, почти собственнически, но при этом...

Дерек незаметно поправил ее бокал, отодвинув его подальше от края стола.

«Чтобы не разбила».

Потом его пальцы скользнули по ее запястью — на долю секунды, будто проверяя пульс.

«Чтобы убедиться, что она здесь. Что она его».

Ди фыркнул про себя.

«Даже в любви он контролирует все. Как будто боится, что она рассыплется, если выпустит из рук».

Но это все равно была любовь. Пусть и такая — странная, сжатая в кулак, как бизнес-контракт.

— Любовь... бывает разной, — наконец сказала Розмари, и ее голос звучал слишком гладко, будто заученная фраза из светского журнала.

Но Ди уловил.

Легкую дрожь в кончиках пальцев. Слишком быстрый вздох. И главное — ее глаза. Когда она говорила о музыке — они горели. Но когда речь зашла о любви...

Зрачки сузились. Веки дрогнули.

Страх.

Не тот, что от неловкости. А глубинный — как у людей, которые знают, что такое настоящая боль.

Не просто неверие.

Боль.

«Она боится», — осенило его.

«Не просто не верит. Она знает, что любовь может ударить. И знает это на своей шкуре.»

И вдруг он почувствовал — между ними есть еще что-то общее.

Она, эта куколка в белом костюме, и он, оборванец в засаленной косухе — оба знали, что любовь может сломать.

Только он все еще верил, несмотря ни на что.

А она...

Она уже не могла.

— А еще она иногда приводит к свадьбам, — продолжила она, и в ее голосе снова зазвучали привычные светские нотки. — Четыре года вместе. И теперь вот это, — она подняла руку, чтобы все увидели кольцо. Бриллиант холодно сверкнул в свете люстры. — Свадьба будет в

середине осени. Мы очень хотим, чтобы ты пришел! Семья же должна быть вместе, правда, дорогой?

«Дорогой» скривился, будто от зубной боли. Ди прекрасно понимал — брат скорее пригласит на свадьбу своего дантиста, чем его. Да и сам он не горел желанием наблюдать этот слащавый спектакль. Но когда Розмари положила ладонь на рукав Дерек, тот, к удивлению Ди, не отстранился.

— Да, конечно, — сквозь зубы процедил Дерек, выдавливая из себя подобие улыбки. — Будет... здорово.

— Я подумаю, — Ди намеренно сделал паузу, наблюдая, как в глазах брата мелькает неподдельный страх. Неожиданное открытие — оказывается, братишка его боится. Боится, что он, Ди, испортит его идеальную свадьбу. Ее идеальную свадьбу. — Но вряд ли получится. У меня напряженный график.

Дерек неожиданно расслабился, его плечи опустились. Он даже улыбнулся по-настоящему:

— Работа важна. Я понимаю.

Этот благодарный взгляд резанул Ди сильнее, чем любое оскорбление. Так вот чего стоит их «родственная связь» — одного его отсутствия достаточно, чтобы сделать брата счастливым.

И словно в подтверждение его слов, из складок безупречного белого костюма Розмари раздался резкий, отрывистый писк. Ди дернулся, его рука машинально рванулась к своему поясу — старый рефлекс парамедика⁵³, годами вбитый в мышцы. Сердце на долю секунды ушло в пятки, отзываясь на звук, который всегда означал «срочный вызов», «чья-то жизнь висит на волоске».

Но Розмари лишь извиняюще улыбнулась, доставая из кармана узкий черный пейджер. Ее пальцы с идеальным маникюром скользнули по кнопкам, отключая звук прибора.

— Простите, — сказала она, и в ее голосе не было ни капли раздражения, лишь легкая деловая усталость. — Уолл-стрит никогда не спит. Даже в выходной.

Она бегло просмотрела сообщение, и ее губы тронула короткая, ничего не значащая улыбка — профессиональная маска, которую Ди видел на лицах врачей, объявляющих родственникам плохие новости.

— Дерек прав, — кивнула она, убирая пейджер обратно. — Работа действительно важна. Позвольте, я быстро позвоню коллеге. Кажется, японская йена⁵⁴ решила устроить нам сюрприз.

Она вышла из столовой, и через мгновение из прихожей донесся звонок и короткий разговор с дежурным по офису — судя по всему, ей что-то продиктовали или сообщили какую-то сводку. И почти сразу же начался новый, яростный разговор. Ее голос, только что такой воздушный, стал твердым и жестким, как сталь.

«...Боб, ты что, спал, блять? Я только что получила данные по TSE⁵⁵... Да, в выходной! ... Слушай, йена обваливается, это не коррекция⁵⁶, я смотрю на ленту⁵⁷ — там паника. Немед-

⁵³ **Парамедик (Paramedic)** — в США специалист высшего уровня догоспитальной помощи. В отличие от EMT-Basic (базовый уровень, умеет делать непрямой массаж и останавливать кровь), парамедик может ставить капельницы, делать интубацию, вводить сильнодействующие препараты и читать кардиограмму. Обучение — около 2 лет. *Разница с системой СНГ*: В СССР и постсоветских странах на скорой работают фельдшеры (среднее медобразование) или врачи (высшее). Американский парамедик — **не врач**: у него нет высшего медицинского образования, он не ставит окончательный диагноз и не назначает долгосрочное лечение. Его задача — экстренная стабилизация пациента и быстрая доставка в больницу. Однако в полевых условиях парамедик часто действует автономно и владеет навыками, которые в СНГ доступны только врачам реаниматологам. Ди, будучи парамедиком, носит с собой налоксон и умеет действовать в критических ситуациях — это объясняет его навыки и реакции.

⁵⁴ **Японская йена** — денежная единица Японии. В 1985 году валютные рынки были крайне волатильны, и изменения курса йены могли приносить огромные прибыли или убытки международным инвесторам и корпорациям.

⁵⁵ **TSE (TokyoStockExchange)** — Токийская фондовая биржа. Упоминание ее работы в выходной подчеркивает глобальный характер финансов: когда в Нью-Йорке воскресенье, в Токио уже понедельник, и торги идут полным ходом.

⁵⁶ **Коррекция** — биржевой термин, означающий изменение тренда (обычно временное падение цен после роста). В дан-

ленно доложи Джону, что мы выходим из всех длинных позиций⁵⁸. Всех! ... Не носи мне этот бред, Боб, Майкл нанял меня, чтобы я зарабатывала ему деньги, а не чтобы я с тобой спорила. Мы закрываемся. Сейчас. Нет, Боб, я не спрашиваю, я информирую тебя и составляю отчет для Майкла. Он ждет моего звонка, и я должна сказать ему, что мы уже хеджируем риски⁵⁹. Ты хочешь, чтобы он спросил, почему его девочка-аналитик⁶⁰ в выходной ему деньги делает, а его старший трейдер⁶¹ — нет?...»

Ди слушал, завороченный. Это была не та Розмари, что пахла шоколадом и солнечным светом. Это была другая — холодная, острая, как лезвие бритвы, женщина, чьи слова рубили воздух с безжалостной точностью. Акула в жемчужном ожерелье.

Через пару минут она вернулась, снова сияющая и легкая, будто только что не отдавала приказы о перемещении миллионов.

— Ну вот, — сказала она, снова садясь на свое место и поправляя салфетку. Ее рука легла поверх руки Дерека, и он, вопреки своей привычке к холодной сдержанности, переплел с ней пальцы. Ди поймал этот жест краем глаза — слишком интимный для семейного ужина. — Теперь я вся ваша. Так вот, Дэниэл, я не сдамся так легко. Давай встретимся до свадьбы? Без всей этой... — она обвела рукой стол, — ...официальной суеты. Приходи с Кайрой к нам на ужин. Просто поболтаем. Я так хочу узнать вас лучше.

Она снова коснулась его руки, и Ди заметил, как Дерек нахмурился, но тут же сгладил морщинки, когда она повернулась к нему.

— И называй меня Розой, я ведь скоро стану твоей сестрой.

Ди замер. Ее пальцы были холодными и мягкими — такими непохожими на шершавые руки Кайры.

— Я всегда мечтала о старшем брате, — продолжала Роза, и ее улыбка была настолько искренней, что больно смотреть. — Дерек, тебе так повезло!

— Повезло? — Дерек фыркнул, но в его голосе не было привычной колкости. — Ты еще не знаешь, какой он... — он запнулся, словно осознав, что говорит слишком откровенно, и поправил жемчужную булавку на лацкане — наверняка подарок Розы.

Остальные родственники сидели молча, наблюдая за их беседой как за игрой в пинг-понг. Но Ди чувствовал, что скоро кто-то из них не выдержит.

И самое странное — Ди, всегда готовый к скандалу, вдруг ощутил неожиданное желание сохранить этот хрупкий мир. Ради нее. Ради того чистого света в ее глазах, который еще не успел погаснуть под тяжестью их семейного цирка.

Но семейные традиции оказались сильнее.

Бабушка Глэдис поднялась с королевской медлительностью, ее жемчужное ожерелье холодно поблескивало в свете люстры. Она смотрела на Ди тем же взглядом, каким много лет назад, вероятно, смотрела на его отца — музыканта-неудачника, соблазнившего ее дочь.

ном случае речь идет о том, что падение йены — это не просто коррекция, а серьезный обвал.

⁵⁷ **Лента (биржевая лента, тикер)** — в 80-е годы информация о ходе биржевых торгов поступала на специальные терминалы (как телетайпы) в виде непрерывной ленты с котировками. «Смотреть на ленту» — значит следить за изменениями цен в реальном времени.

⁵⁸ **Длинные позиции** — биржевой термин. Открыть «длинную позицию» (long position) — значит купить актив (акции, валюту) в надежде, что его цена вырастет, и его можно будет продать дороже. Розмари приказывает выйти из всех длинных позиций, так как йена падает.

⁵⁹ **Хеджировать риски** — финансовая стратегия, направленная на снижение риска возможных убытков. Это страховка от неблагоприятного изменения цен.

⁶⁰ **Аналитик** — в данном контексте — финансовый аналитик, специалист, который изучает рынки, компании и экономические показатели, чтобы давать рекомендации по инвестициям. *Важно для понимания эпохи:* В 1980-е годы Уолл-стрит была крайне патриархальным, мужским миром. Женщины в трейдинге и аналитике были редкостью, и им приходилось быть в два раза жестче, компетентнее и напористее, чтобы добиться уважения и права голоса.

⁶¹ **Трейдер** — биржевой спекулянт, человек, который покупает и продает ценные бумаги, валюту или другие активы с целью получения прибыли от изменения цен.

Презрительно скривившись, как это всегда бывало при виде Ди, она повернулась к Розе. — Дорогуша, ты ведь не знаешь, с кем имеешь дело, — произнесла она с холодной усмешкой. — Его «музыкальная карьера» — это прикрытие для пьянства и безделья. Прямо как у его отца. Я удивлена, что сейчас он трезв, а не как обычно. Ты действительно думаешь, что такой человек нужен на твоей свадьбе?

Ди почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Бабушка всегда умела бить точно в больное — ее слова впивались в кожу, как иглы. Он сжал кулаки под столом, ощущая, как ногти впиваются в ладони.

— Я стараюсь измениться, бабушка, — произнес он, стараясь сохранить спокойствие.

Глэдис фыркнула, будто услышала особенно глупую шутку:

— Стараешься? Десять лет одно и то же! — ее пальцы сжали салфетку, будто воображаемое горло Ди. — Ты даже не изменился внешне. Все тот же грязный панк, все те же дурацкие волосы...

В голове у Ди всплыл образ: месяц назад, горящий «Кадиллак», крики изнутри. Он вытащил оттуда старуху — такую же язвительную, как Глэдис. Та благодарила его, а он в тот момент думал только одно: «Лучше бы ты сгорела».

Теперь же он смотрел в глаза своей бабушке и видел в них то же самое — она искренне считала, что мир стал бы лучше без него. И самое ужасное — в какой-то момент он и сам начинал в это верить.

Тишина стала такой густой, что в ушах звенело. Даже Кайра замерла, ее пальцы застыли на сигарете. Ди чувствовал, как сжимается сердце — будто снова тот мальчишка, который верил, что если будет очень хорошим, они его полюбят.

— Хватит.

Розмари встала так резко, что ее стул грохнулся на паркет. Ее руки дрожали, но голос был твердым.

— Дэниэл — часть этой семьи. И он будет на нашей свадьбе.

В ее глазах горело что-то, чего Ди не видел давным-давно — неподдельная, бесстрашная доброта. Та самая, которую он когда-то видел в глазах своей матери... до того, как Глэдис вытравила ее капля за каплей.

— Он будет? — раздался ледяной голос бабушки. Она не повышала тона, но каждое слово било, как плеть. — Тот, кто в семнадцать облил дом бензином и бросил спичку, убегая?

Ди почувствовал во рту вкус бензина — тот самый, с семнадцати. Он тогда плеснул жидкость на бумаги в кабинете отца, чиркнул зажигалкой... и только потом увидел в окне лицо матери. Сбежал, так и не сумев сжечь дом. Так и не разорвав окончательно отношения с ними.

Кайра взорвалась как граната:

— Охуеть! — она вскочила, опрокидывая бокал. — Бабуля, ты вообще в себе? Ди каждый день людей спас...

Ди со всей силы снова пнул ее. Пусть лучше думают, что он все тот же поджигатель.

Не нужно знать драгоценным родственникам, что теперь он разгребает последствия таких же отчаянных поступков.

Он работал парамедиком уже семь лет. Он вытаскивал подростков, перерезавших вены «неправильно», собирал по кускам мужиков, врезавшихся в столбы на полной скорости, откачивал наркоманов, переборщивших с дозой — тех, кто, как и он когда-то, пытался сбежать.

Потом его тошнило, он закидывался таблетками, бухал, курил, но не бросал. Слишком хорошо помнил, как его самого вытащил с того света Рагнар. И теперь жизнь за жизнь — он спасал таких же как он. Уставших, озлобленных ублюдков, которых гуманнее убить, чем спасать. Но спасал. И это было его личное чистилище, о котором родне знать не стоило.

Бабушка Глэдис повернулась к Кайре с королевским величием. Несмотря на возраст, она все еще держалась как владычица этого дома — нет, всей семьи. Это она подобрала «достой-

ного» мужа для его матери, это она заставила отчима признать его. И теперь решала, имеет ли он право вообще существовать.

— Послушай меня, юная леди, — сказала Глэдис, ее голос гремел, как приговор. — Дэниэл бездарность и вор, поэтому неудивительно, что он связался с тобой.

«Вор». Слово повисло в воздухе. Почти десять лет прошло, а старая карга все не могла забыть. Да, он взял эти деньги. Нет, он не жалел. Каждый пенни ушел на адвоката для Джо. И будь у него возможность взять деньги где-то еще — он бы не стал тырить у нее.

— Шлюха и наркоманка! — продолжала Глэдис, ее жемчужное ожерелье дрожало от ярости. — Дэниэл Ричард Баркли, как ты посмел привести это...

— Иди нахуй, сука! — Ди швырнул бокал с шампанским на пол. Осколки блеснули, как осколки лобового стекла в той аварии под «Everybody Wants to Rule the World»⁶² по радио. Он тогда вытащил водителя за секунду до взрыва.

Ди схватил Кайру за руку и потащил к выходу. Краем глаза заметил, как дернулась Роза — ее лицо было искажено болью, но он не остановился.

— Спасибо за теплый прием! — крикнул он, хлопая дверью.

На улице Ди сделал глубокий вдох. Хватит с него этой пародии на семью. У него давно есть своя семья.

⁶² «Everybody Wants to Rule the World» — суперхит 1985 года британской группы Tears for Fears. Песня, звучавшая из каждого радио, стала одним из главных саундтреков эпохи. Упоминание ее в момент аварии создает острый контраст между поп-культурой и суровой реальностью работы парамедика.

Глава 3

— А я говорю ему: руку в трусы — пожалуйста, но в кошелек — хуй тебе, а не мои баксы! Ди, кекс хочешь? Так вот, а он говорит — да какая разница, ты все равно хранишь баксы в трусах. Никки, кончай драть на кухне, кекс лови!

Кайра валялась на продавленном диване, курила свои вонючие сигареты с корицей и грызла большой шоколадный кекс так, что крошки летели во все стороны. Впрочем, пол в их квартире был настолько грязным, что пара крошек ни на что не влияло.

Выругавшись, она швырнула кекс в дверной проем. Промаршнулась. Кекс врезался в гитару с облезлой наклейкой «Sex Pistols»⁶³, сбив заодно фото рыжей фанатки с автографом: «Ди, ты бог! — Лора ххх».

— Че за херня?! — из кухни выскочил Никки, вытирая ладонью следы пива с футболки Mötley Crüe⁶⁴. На шее болтался перевернутый крест — протест против матери-пятидесятницы⁶⁵.

— Не херня, а кексы! Жри давай!

— Иди ты в жопу! — сверкнув зелеными глазами, Никки снова скрылся в кухне.

Ди резко затушил сигарету.

— Кайра, тебе двадцать шесть, блять, а не шесть! — он пнул банку, та со звоном ударилась о стену. — Я не для того пашу на этой ебучей работе, чтобы ты швырялась едой, как принцесса! У нас уже три дня до зарплаты, а в холодильнике — хуй да ветер!

Кайра лениво протянула руку, поймала его за запястье и потянула к себе.

— Ой, Ди, ну хватит кипятиться. Ты же знаешь — я просто люблю, когда ты злишься. Такой... горячий, — она провела пальцем по его ладони, оставляя след от шоколада. — Ладно, ладно, больше не буду. Поцелуй вместо кекса хочешь?

Ди выдернул руку, но уголок рта дернулся.

— Ты конченная.

— Зато твоя, — Кайра захихикала и заворочалась на продавленном диване, устраиваясь поудобнее.

Диван стонал под ней, как голос Игги Попа⁶⁶ из старенького Panasonic⁶⁷. Крошки от кекса смешивались на полу с окурками Мальборо, а тараканы деловито тащили кусочек шоколада к дыре в плинтусе, где когда-то лежал провод от усилителя.

— Ди, опять твои тараканы жрут мою пиццу! — заорал Никки из кухни.

⁶³ **Sex Pistols** — легендарная британская панк-группа (1975–1978), ставшая символом панк-движения и его главным скандальным рупором. Наклейка на гитаре — маркер принадлежности к панк-культуре.

⁶⁴ **Mötley Crüe** — американская глэм-метал группа, пик популярности которой пришелся как раз на середину 80-х. Их музыка и имидж (лакированные волосы, кожа, макияж) олицетворяли гедонизм, секс и рок-н-ролльный образ жизни. *Важно для понимания персонажа:* В панк-среде 80-х глэм-метал (вроде Mötley Crüe) считался мейнстримным, коммерческим и «пафосным», поэтому его откровенно не любили. Футболка с этой группой на Никки — не просто деталь гардероба, а отсылка к его кумиру — **Никки Сиксу**, бас-гитаристу Mötley Crüe, известному своей одержимостью оккультизмом, сатанинской символикой и скандальным образом жизни. Как и прототип, этот Никки увлекается сатанизмом (о чем говорит перевернутый крест на шее — память о религиозной матери и одновременно вызов).

⁶⁵ **Пятидесятники** — одна из протестантских деноминаций, отличающаяся очень консервативными взглядами и эмоциональными богослужениями. В США пятидесятничество было широко распространено среди разных этнических групп: афроамериканцев, латиноамериканцев (особенно пуэрториканцев), а также среди белого населения южных штатов. Кроме того, существовали общины белых пятидесятников-иммигрантов — выходцев из Европы (в том числе из Российской империи, где в начале XX века действовали протестантские секты).

⁶⁶ **Игги Поп (Iggy Pop)** — американский рок-певец, фронтмен группы The Stooges, считается «крестным отцом» панка. Его хриплый голос и сценическое безумие стали эталоном для многих поколений рокеров.

⁶⁷ **Panasonic** — японская корпорация-производитель электроники. В 80-е годы магнитофоны и проигрыватели Panasonic были широко распространены и считались качественной техникой среднего ценового сегмента.

— Не твою, а нашу, — Ди швырнул в угол другую банку. — И вообще, это Мэри оставила.
— Мэри? Та, что из бодегы⁶⁸? — Кайра фыркнула, закуривая новую сигарету. — Напомни, как ты ее уговорил? «Детка, дай пару банок тушенки — спую тебе «I Want to Know What Love Is»⁶⁹ под одеялом»?

Ди передернулся, будто в него плеснули кислотой.

— «I Want to Know What Love Is»? Ты серьезно? — он хрипло рассмеялся. — Эта сопливая муть от Foreigner⁷⁰? Звучит как гимн для девочек в розовых и дебилов, жующих жвачку у радиоприемника.

Он резко плюнул в сторону тараканов.

— Я ей сказал: «Дай пиццу, банку фасоли, пачку макарон и коробку тех самых вафель — и я покажу, как мой медиатор играет не только на струнах». Безо всяких одеял и попсового воя.

Мэри была кошмаром — воняла дешевым табаком и рыбой с прилавка, а ее прикосновения оставляли липкий след, как от раздавленной конфеты. Но в холодильнике зияла пустота, а Никки уже третий день бурчал о «голодных конвульсиях перед ритуалом». Обычно Ди как-то выкручивался: зарплата парамедика хоть и не роскошь, но аренду, базовые расходы группы и выпивку покрывала. Но в этот раз все навалилось разом. Рагнар укатил к дочери, а его запасы консервов закончились. Питер пропил свою последнюю портовую получку за два дня, оплакивая свою «ученую карьеру» и бывшую-изменницу. Никки в припадке «творческого экстаза» разбил свою гитару о стену — пришлось срочно искать деньги на новую. А тут еще девочка Кармен из приюта Святой Марии слегла с жутким бронхитом⁷¹. Ди видел, как она кашляет кровью — и не смог бросить. Купил лекарства. Кайра копила кэш на что-то свое — новые сапоги или дозу, Ди не вникал. Денег не то что на неделю — на сегодня не было. Он просто не успел восполнить пробоины.

Ответственность. Чертово слово, которое Рагнар вбил ему в голову. Он был старшим здесь не по годам, а по факту — тем, кто следил, чтобы группа не сдохла с голоду или не передралась из-за последней банки тушенки. Мысль о том, чтобы пойти к Дереку или матери кланчить деньги, вызывала рвотный спазм. К Вонгу? Не вариант. Он и так кормил его за редкие пластинки — их бартер был честным, без унижений. Но сейчас у Ди не было ни одной стоящей пластинки на руках, чтобы покрыть даже пару обедов. Прийти с пустыми руками и попросить в долг? Перед Вонгом, который верил в его талант и относился как к младшему брату? Это было хуже, чем унижение — это был плевок в их дружбу.

А ведь деньги были. Чистые. В банке. Тот самый сберегательный счет в Chase Manhattan⁷², открытый в 1978-м, после того, как он чуть не сдох. После того, как девушка с алыми губами вытащила его из розовой ванны. Он помнил ее пальцы — холодные, дрожащие, липкие от его крови. Помнил, как она ушла, не взяв ни цента из кофра, ни его разбитую гитару. Помнил свое беспамятство. И тогда, сквозь похмелье и стыд, пришло понимание: он выжил, пока другие — те, кто был рядом, те, кому он не помог, — превращались в пыль. Джек. Мэри и Джон. Рейчел, которой так и не сделали операцию. Элис, исчезнувшая в ночи. Бездомный с «Астор Плейс».

⁶⁸ **Бодера (bodega)** — в Нью-Йорке небольшой продуктовый магазинчик, часто круглосуточный, работающий в спальных районах. Владельцами часто были иммигранты. В таких магазинах можно было купить еду, сигареты, пиво, часто — в долг или по знакомству.

⁶⁹ «**I Want to Know What Love Is**» — суперхит 1984 года группы Foreigner. Мощная баллада с церковным хором, которая стала абсолютным мейнстримом и романтическим гимном. Ди презирает ее как «сопливую муть», противопоставляя панк-эстетике.

⁷⁰ **Foreigner** — британско-американская рок-группа, игравшая мелодичный рок и софт-рок. В 80-е были одними из главных поставщиков радиохитов и считались мейнстримом, который панки и альтернативщики презирали.

⁷¹ **Бронхит** — воспаление бронхов. Кашель с кровью — серьезный симптом, мог означать тяжелую форму болезни или даже туберкулез, который в среде бездомных и бедных слоев населения в 80-е был не редкостью.

⁷² **Chase Manhattan** — один из крупнейших банков США, символ финансовой системы, «логово врага» для панка. То, что Ди держит там сберегательный счет — глубокая ирония и внутренний конфликт.

Все они. Особенно она — та девчонка на перекрестке 42-й и Бродвея, чьи слова «ты меня спас» обожгли его позже, когда он очнулся в той же ванне. Спас? Он даже имени не спросил! Он был пустым местом, когда она искала в нем якорь. Он начал откладывать тогда — смутно, почти машинально. Небольшие суммы. Потом — уже осознанно, методично. Автоматические переводы, проценты... а потом и эти чертовы акции, облигации. Он вникал в схемы с мрачной одержимостью. Копил. Не для себя. Не для побега. Это был выкуп. Немой, бессмысленный выкуп перед мертвецами. Перед теньями тех, кому он не протянул руку. Перед девушкой с алыми губами, которая спасла его ценой своего спокойствия. Перед той с перекрестка, что сбежала «куда угодно» — он надеялся, надеялся каждый день, что она смогла, и копил на тот случай, если она вернется и ему вдруг понадобится ей помочь. Или на похороны, если надежда окажется ложью. Этот счет стал его чистилищем: панк-отщепенец, методично копящий выкуп за несостоявшееся спасение в логове врага. Именно этот абсурд бесил его пуще всего.

Он никогда не прикасался к ним. Никогда. Эти деньги были священной чертой, выжженной стыдом. Переступить — значило осквернить память тех, для кого он их копил. Предать их тени и тех двух девушек — одну, чьи пальцы были в его крови, другую, чьи слова «спас» стали ему клятвой и укором. Дотронуться до них значило признать, что выкуп не принят, что все его попытки искупить вину — пшик. Трогать этот мертвый капитал? Это было все равно что плюнуть в лицо девушке с перекрестка и сказать: «Я не спас тебя». Или стереть с рук след крови той, что вытащила его из ванны. Он скорее глотнул бы кислоты.

Лучше уж...

«Че, Ди? Хавки захотел?» — Мэри из бодеги щипнула его за зад, когда он вчера заходил за сигаретами. Ее взгляд скользнул вниз, многозначительно задержавшись на ширинке. «Могу угостить... если ты угостишь меня.»

Ди знал цену таким «угощениям». Он спал со стриптизершами после концертов, с фанатками в грязных туалетах клубов, с Кайрой — когда она не валялась с Никки или Питером. Разборчивость была роскошью для тех, кто жил в чистоте и сытости. Он жил в дерьме. Его тело давно стало разменной монетой — за крышу над головой на ночь, за место на сцене, иногда просто за ночь без одиночества. Но не за выпивку. Выпивку он покупал. Или воровал. Или выбивал долги. Но за бухло — не ложился. Это было дело принципа. Глупого, панковского, последнего — но принципа. За еду?.. Раньше — тоже нет. Сейчас — впервые. В этом не было особой проблемы, честно говоря, особенно по сравнению с тем, что было в конце 1978 года. Но осознавать, что это первый раз... что он переступает эту черту... Это был новый низ. Необходимый низ. Пьянящее чувство падения смешивалось с циничным «ну и хуй с ним».

Мысль о Мэри — ее липкие пальцы, запах дешевого табака и рыбы — снова вызвала отвращение. Но где-то на дне памяти, в том темном углу, куда он редко заглядывал, шевельнулось знание: это все равно лучше. С Мэри он хотя бы оставался Ди — грязным панком, с которым можно поторговаться.

— И вообще, заткнись, Кайра, — глухо прорычал Ди, впиваясь ногтями в шрамы на ладонях, будто хотел выдрать с корнем эту финансовую пошлость. — Лучше подумай, что ты собираешься жрать завтра, когда все бабки с сегодняшнего концерта Никки проплет, Питер проебет на свои «философские» книжки, а ты — на очередную дозу или эти ебучие сапоги. Или ты хочешь, чтобы я к Мэри снова пошел? Может, спою ей «Like a Virgin»⁷³ на бис?

В воздухе повисло молчание, нарушаемое только хриплым голосом Игги Попа из магнитофона. Ди закатил глаза к потолку, где треснутая люстра качалась от сквозняка, и вдруг заме-

⁷³ «Like a Virgin» — суперхит 1984 года Мадонны, ставший ее визитной карточкой. Песня о том, как новая любовь заставляет чувствовать себя «как девственница». Для панков Мадонна была олицетворением попсы и коммерции, поэтому Ди использует ее название для циничной иронии.

тил движение в углу. Очередной таракан нагло вылез из-под облупившегося плитуса, будто издеваясь над их бедственным положением.

Кайра уже занесла зажигалку, но Ди остановил ее жестом.

— Оставь. Этот — наш талисман.

— Талисман? — Никки высунулся из кухни, держа в руках бутылку. — Ты про того, что выжил, когда мы спалили полку лаком для волос⁷⁴?

Ди кивнул, указывая на стену, где под слоем копоти едва виднелся нарисованный от руки логотип: череп таракана с гитарой вместо тельца. «Термоядерные ублюдки» — кривые буквы сливались в надпись, которую Никки вывел баллончиком в ту ночь, когда они решили, что «Радиоактивные тараканы» звучит слишком мягко.

— Помнишь, как Джо орал? — Ди усмехнулся, сдувая пепел с гитары. — «Выжил, сволочь! Назло нам, назло всему миру! Мы такие же — термоядерные, ебать!»

— А ты тогда сказал, что это бред, — Кайра пнула банку, заставляя таракана юркнуть обратно в щель. — Мол, мы не тараканы, а люди.

— И ошибся, — Ди провел пальцем по царапине на деке. — Люди сдохли бы после первого же концерта в том подвале. А мы...

Он не договорил. Из кухни донесся звон — Никки умудрился разбить бутылку.

— Бессмертные ублюдки, — хором закончили Ди и Кайра под мат Никки, который, судя по звукам, собирал осколки.

Таракан снова высунул усы, будто одобряя. Название родилось в ту же ночь, когда они спалили полквартиры, пытаясь выкурить насекомых. Джо, обожженный и пьяный, тыкал пальцем в выжившего таракана: «Вот он, наш символ! Недостреляные, недожженные, недодохшие!» Никки тут же нацарапал эскиз на обороте афиши Ramones⁷⁵, а Питер принес баллончик краски из разгромленного магазина.

Они любили жечь тараканов. При виде усатого беглеца Ди хватал баллончик лака для волос, Никки щелкал зажигалкой с гравировкой AC/DC⁷⁶, а Джо, вечно опоздавший, орал: «Дайте и мне, блять, пламя!» — пока Питер, их барабанщик-интеллектуал, философски замечал: «Вы — дегенераты. Это же живое существо». Кайра обычно лишь смеялась, снимая все на «Polaroid» — пленки потом приклеивали к стене, создавая коллаж под названием «Хроники Апокалипсиса».

— Ди, жри кекс! Хочешь бахнуть в голодный обморок, как в 83-м? — Кайра швырнула ему кусок, но кекс пролетел мимо, влетев в приоткрытую дверь его комнаты. Там он угодил в пирамиду из бутылок, заставив ее рухнуть с грохотом.

Ди вздрогнул от звука бьющегося стекла, но его взгляд прилип не к разрушенной пирамиде, а к куску шоколадного кекса, плюхнувшегося на грязный линолеум среди осколков.

Он обожал свою комнату, но сейчас вид открытой двери и валяющегося там в грязи кекса лишь усиливал чувство гнетущего хаоса.

Железная кровать, утопающая под грудой кассет и вонючих футболок, была единственным островком порядка в этом хаосе. Вокруг — океан перепутанных проводов, пустых бутылок из-под дешевого виски и окурков, втоптаных в линолеум. У стены притулились искореженные книжные полки, заваленные нью-эйдж⁷⁷ литературой вперемешку с грязными

⁷⁴ **Лак для волос** — важный элемент быта 80-х. Использовался не только для укладки (особенно в глэм-культуре), но и как легковоспламеняющееся средство. Упоминание пожара из-за лака — бытовая деталь опасной жизни сквотов.

⁷⁵ **Афиша Ramones** — Ramones — легендарная американская панк-группа, одни из основателей жанра. Их афиша — не просто мусор, а культурный артефакт для панка.

⁷⁶ **AC/DC** — AC/DC — австралийская хард-рок группа, популярнейшая в 80-е.

⁷⁷ **Нью-эйдж (New Age — «Новая эра»)** — мистико-философское движение, популярное в США и Европе с 1970-х годов. Сочетал элементы восточных религий (буддизм, индуизм, даосизм), эзотерики, астрологии, экопсихологии и целительства. Характерные символы — знак инь-ян, кристаллы, чакры, реинкарнация.

стопками фэнзинов⁷⁸. Это была тихая страсть Ди, его попытка найти хоть какую-то систему в кромешном хаосе бытия. Никки регулярно запускал руки в стопку книг про карму, но, в отличие от «Сатанинской Библии»⁷⁹, никогда ничего оттуда не цитировал — читал тайком, с каким-то благоговейным стеснением.

Но окно...

Окно Ди вылизывал до блеска каждые выходные, стирая коготь и жирные отпечатки пальцев. Будто за этим стеклом — не ржавая пожарная лестница и грязные кирпичи соседнего дома, а что-то важное. Что-то, ради чего еще можно было терпеть эту жизнь.

Подоконник оставался пустым.

Только черные следы от сигарет по краям — отметины бессонных ночей, когда он сидел здесь, курил и тупо смотрел на стену напротив.

А там, где когда-то были обои с розочками, теперь висели снимки.

Десятки мгновений, застывших в желтых пятнах времени: Кайра, целующая его в шею на фоне горящего бара; Никки с окровавленным кулаком и гитарой на сцене «K17»; Джо, спящий в луже пива, и Джесси, пинающая его ногой; Питер с лицом, искаженным криком: «Вы — ебанутые!». В центре — снимок, где Ди с Рагнарсом и Томми на фоне потрепанного амбуланса. Семья. Его гребаная семья.

На полу белели картонки с ядом — Ди методично расставлял их каждую неделю, но тараканыдохнуть не хотели. Наоборот, они явно считали, что он их подкармливает, поэтому плодились с бешеной скоростью.

Ди даже завидовал им.

Хотя бы у этих тварей был инстинкт, цель. А у него? Кайра (когда она не злилась и не валялась с кем-то другим), фанатки (если они доигрывали концерт до конца, а не отключались где-то на середине) и ебучая работа, которая высасывала душу.

Были и девушки типа Мэри, конечно.

Но их Ди предпочитал не вспоминать.

Как и многое другое.

— Блять, Кайра! — Ди вскочил, не обращая внимания на упавшую гитару, и потащился к себе за кексом. — Жрать не на что! А ты тут в боулинг играешь!

Передвигаться в этой комнате мог только Ди. Все остальные спотыкались тут же — Рагнар как-то врезался в башню из кассет, проклиная «армию дебилов», а Никки поскользнулся на обертке от бургера и приземлился на бутылку Jack Daniel's⁸⁰, оставив кровавый узор на матрасе.

«Цивилизация, епта!» — ржал Ди, гордясь единственной в квартире кроватью.

Никки и Питер ютились в соседней комнате и спали на матрасах, которые лежали прямо на полу и были такими грязными, что раздавленные тараканы идеально гармонировали с цветом матраса. Под матрасом Никки хранил потрепанный экземпляр «Сатанинской Библии» — единственную книгу, которую он демонстративно цитировал по поводу и без.

«Продам телевизор — купим ящик виски...»

Питер, самый старший из них (тридцать лет, черт возьми), бубнил это как мантру, обнимая залитый алкоголем томик Камю — единственное, что осталось от его прежней жизни. От той жизни, где у него была жена, квартира в Бруклине и аспирантура по философии. Пока она не сбежала с его научным руководителем.

⁷⁸ **Фэнзины (fanzines)** — самодельные любительские журналы, которые фанаты панк-рока делали и распространяли на концертах. Основной способ коммуникации в субкультуре до интернета.

⁷⁹ «Сатанинская Библия» — книга, написанная Антоном ЛаВеем в 1969 году, основополагающий текст Церкви Сатаны.

⁸⁰ **Jack Daniel's** — культовый американский бурбон (виски), символ «взрослого» пьянства, в отличие от дешевого пива или портвейна. Бутылка из-под него в комнате — признак того, что иногда удавалось разжиться чем-то приличным.

Но Никки глушил эти слова ударом кулака по столу, заставленному свечами в форме черепов. Ему было плевать на философию — он вырезал на руке новые руны, чтобы «договориться с Асмодеем⁸¹ об апокалипсисе»

Так и жили.

Внезапно Никки выскочил из кухни, размахивая ножом:

— Надо принести в жертву таракана! Иначе концерт провалим!

— Ты свой мозг уже принес в жертву, — Кайра затянулась сигаретой, сосредоточенно разглядывая свои ногти, покрашенные черным лаком. — Сатана тебя в черный список добавил — говорит, бракованные души не принимает.

Ди отдал кекс обратно Кайре, звякнув цепью на поясе, и потащился в ванную. Зеркало, забрызганное черной краской, отражало пентаграмму⁸² и ржавый душ, из которого сочилась ледяная вода. На полу валялась зубная щетка — ею чистили унитаз.

— Ржавчина священна, — пробормотал он, вспоминая, как Рагнар впервые увидел их квартиру: «Во Вьетнаме было чище. Зато здесь плесень не стреляет».⁸³

Квартира на Второй авеню⁸⁴ была дерьмом, но своим дерьмом. Он жил здесь с 1975-го, с тех пор как сбежал из дома в семнадцать. Десять лет в этих стенах, пропахших пивом, потом и плесенью. И все эти десять лет он платил хозяйке, миссис Гарсии, смешные 150 баксов — меньше, чем многие тратили на выпивку за неделю. Она, отчаянно молодящаяся пуэрториканка с безупречным макияжем, никогда не выгоняла их, даже когда они задерживали оплату на месяц, а то и два. Не поднимала скандал из-за вырванной двери в 79-м, из-за дыры в полу от импровизированного «костра» в честь дня рождения Джо, из-за того, что они разбили все плафоны, играя в бейсбол пустыми банками. «Мальчики, — качала она головой, — вы хуже, чем мои племянники». Но в ее глазах читалось странное понимание, даже покровительство. Особенно к Ди.

Мысль, как таракан, юркнула в самое темное, запечатанное подвале памяти. 1978 год. Он лежал в своей комнате после той истории с ванной, а потом был долгий период, когда он не мог играть, работать. Деньги кончились. Миссис Гарсия пришла не за арендой, а с тарелкой arroz con gandules⁸⁵. Посмотрела на его бледное, осунувшееся лицо, на шрамы на запястьях. И предложила... альтернативу.

И он, загнанный, отчаявшийся, согласился. Платил за крышу над головой телом несколько месяцев, пока не встал на ноги. Об этом не знал никто. Ни Никки, ни Джо с Джесси, ни Питер, ни тем более Кайра. Это был тот самый стыд, который жег изнутри кислотой, тихий и абсолютный. Он вытеснил это, как выбрасывают мусор, стараясь никогда не вспоминать. С тех пор миссис Гарсия смотрела на него с молчаливой грустью и виной, а он — с благодарностью, смешанной с омерзением к самому себе. Но крыша над головой оставалась. Навечно закрепленная за ним и его сбродом по цене 1975 года.

⁸¹ **Асмодей** — в демонологии один из падших ангелов, демон похоти и разрушения. Никки пытается с ним «договориться» — смесь панковского эпатажа и настоящего безумия.

⁸² **Пентаграмма** — пятиконечная звезда, часто используемая в сатанинской и оккультной символике. В панк-среде рисовалась для эпатажа, как перевернутый крест.

⁸³ **«Во Вьетнаме было чище»** — отсылка к войне во Вьетнаме (1955–1975), в которой участвовали американские войска. После Вьетнамской войны многие ветераны вернулись с тяжелой психологической травмой (посттравматическое стрессовое расстройство — ПТСР), злоупотребляли алкоголем и наркотиками, не могли удержаться на работе и в семье.

⁸⁴ **Вторая авеню (2nd Avenue)** — одна из главных магистралей Манхэттена, идущая с севера на юг. В районе Ист-Виллидж и Нижнего Ист-Сайда, где живут герои, Вторая авеню была довольно грязной и неблагополучной улицей с дешевым жильем, барами и магазинами для бедноты. *Важно для понимания эпохи:* в 1985 году средняя аренда однокомнатной квартиры в Манхэттене даже в дешевых районах начиналась от 400–500 долларов. В относительно благополучных местах цены доходили до 800–1000. То, что они платят 150 баксов за квартиру на Манхэттене (пусть и в дыре) — либо невыносимая удача, либо результат личных договоренностей (как в случае с миссис Гарсией).

⁸⁵ **Арроз кон гандулес (Arroz con gandules)** — традиционное пуэрториканское блюдо: рис с голубиным горохом (разновидность бобовых), часто с добавлением свинины. Национальная еда, символ дома и заботы для пуэрториканцев.

— Слушай, Ди! — заорала Кайра из гостиной. — Где этот твой Рагнар пропадает? Неделю уже нет. Марта звонила, спрашивала, когда «ее чмо» вернется. Я его прикрыла. Опять в своем проклятом баре торчит?

Ди, рисуя подводкой крюк вместо стрелки на веке, хрипло рассмеялся:

— Нет, детка. Он к жене укатил.

— К жене?! — Никки ворвался в ванную, зажав в руке ритуальный нож с подсохшей кровью. Его ярко-зеленые глаза бешено блестели. — У этого мрачного уебка есть жена? Он же с Мартой живет! А сам трахает всех подряд в «Sinner's»⁸⁶! И ночует у нас, блять, потом!

— Бывшая, кретин, — Ди потер глаза, окончательно размазывая подводку. Так смотрелось даже эпичней. — После Вьетнама она его выгнала. Говорила, что он «воняет смертью и псинами». И дочь прихватила. Каждый год Рагнар шлет ей открытки, а та ему — через адвоката: «Свидания только под присмотром и без сигарет». Он вчера звонил, сказал, что приедет через пару дней.

— Прекрасно! — Никки закатил глаза так, что стали видны только белки. Его пальцы нервно перебирали лезвие. — Успею провести ритуал до его приезда. А то заебал уже нудеть. Завтра полнолуние. Нужны черные свечи, сера и... — он сделал паузу, его взгляд стал томно-просительным, — Ди, будь братом, одолжи десятку. А лучше две. Для Истинного Дела!

— На еду-то еле хватает, а ты про свечи, — поморщился Ди. — Вечером будут бабки, если концерт не сорвешь своей херней. И они пойдут на еду, оплату этой дыры и, может быть, на новый шнур для гитары, который ты сжег в «очищающем пламени» на прошлой неделе. А сатанинское барахло покупай за свои. Хотя где тебе свои взять? — Ди повернулся к нему, его голос стал язвительным. — Напомнить, сколько ты продержался на прошлой работенке? В том книжном? Два дня! Пока не начал выжигать руны на обложках «Капитала» Маркса⁸⁷ и орать покупателям, что они «рабы системы потребления, купившие себе цепи в кредит»!

Ди резко развернулся, задев плечом Никки, и вышел из тесной ванной в коридор, продолжая перечислять, как будто вбивая слова в стену:

— Или в том баре, где ты подмешал психоделики⁸⁸ в коктейль «Кровавая Мэри»⁸⁹ какому-то яппи, потому что «его аура требовала очищения»? Или помнишь историю с...

— Это было чистилище материализма! — Никки перебил его, махнув ножом так, что лезвие блеснуло в тусклом свете лампочки и едва не задело Ди. — Они не понимают Искусства! Не видят Знаков! Все эти места — фабрики по производству духовных трупов! Я не могу продавать свою душу за жалкие бумажки!

Ди, не оборачиваясь, схватил со стола пачку сигарет, выбил одну и с силой щелкнул зажигалкой.

— Зато можешь клянчить их у меня, — парировал он, не моргнув глазом. — Твоя «душа» почему-то всегда требует денег на свечи, ножи и прочую сатанинскую фигню. А твоя доля с концерта тоже пойдет на нужды группы, а не на чертово барахло. Если так припекло — продай свою скрипку. Все равно на ней не играешь.

⁸⁶ «Sinner's» — вымышленный бар с названием, отсылающим к греху ("грешники"). Типичное название для рок-н-рольного или байкерского заведения.

⁸⁷ «Капитал» Карла Маркса — основной труд немецкого философа и экономиста, критика капитализма. Ирония в том, что Никки, называющий покупателей "рабами системы, купившими цепи в кредит", по сути пересказывает идеи Маркса, но в своей безумной, сатанинско-панковской интерпретации.

⁸⁸ Психоделики — группа веществ (ЛСД, мескалин, псилоцибин), изменяющих сознание, вызывающих галлюцинации и «расширение» восприятия. В 60-е были инструментом контркультуры, к 80-м стали частью более широкой (и часто опасной) субкультуры.

⁸⁹ Коктейль «Кровавая Мэри» (Bloody Mary) — популярный алкогольный коктейль на основе водки и томатного сока, часто с пряностями.

— Скрипку?! — голос Никки сорвался на визгливый вопль. Он сделал шаг вперед, лицо исказила гримаса ярости, а рука с ножом инстинктивно дернулась, как бы защищая невидимый инструмент. — Ты знаешь, что она для меня значит! Никогда! Это святое!

Ди лишь хмыкнул, видя эту бурную реакцию, и выдохнул дым в сторону Никки, который замер в дверном проеме, его фанатичный пыл на миг сменился животным оскалом защиты.

— Ладно, не продавай свою «священную» скрипку, — Ди махнул рукой, раздраженно туша окурков. — Но денег у меня нет. Иди к Джо, — он отвернулся, закрывая тему. — Может, у него после вчерашней смены мелочь завалилась. Или Джесси даст из жалости. Скажи, что на лекарства... от демонической порчи. Может, купит. Только не начинай там свою херню про «освобождение души через хаос», а то Джесси тебя своим каблуком освободит от сознания раньше, чем ты успеешь «Истинное Дело» начать.

Джо частенько заваливался к ним — благо, жил через дорогу, в таком же дряхлом развалюшном доме, который Джесси упорно называла «наш лофт»⁹⁰.

Ирония.

Ведь все они — Ди, Джо, Джесси — когда-то торчали в одной престижной школе. А теперь: Ди в своем дерьме, Джо с Джесси в развалюхе, и все они — в одной и той же нищете, только с разными оправданиями.

Джесси до сих пор любила Джо.

Даже когда он сидел за «варку»⁹¹. Даже когда вернулся с тюремными татуировками и сломанной улыбкой. Даже сейчас, когда он продолжал бухать и носил одну и ту же кожанку пять лет. Даже после двух выкидышей — в семьдесят пятом и семьдесят восьмом, — когда нищенская жизнь в их промозглом лофте, куда они сбежали от богатых, но удушающих семей, отобрала у нее шанс стать матерью. Дети так и не появились, осталась только пустота и призраки несостоявшихся «если бы».

Но любовь — не значит принятие.

И уж точно не значит, что она смирилась. Каждый вечер Джесси натягивала черную юбку и белую блузку — униформу официантки из «La Côte Basque», одного из тех пафосных ресторанов на Манхэттене, где порция фуа-гра стоила как их недельная аренда. Там, среди хрусталя, тисненых обоев и яппи, обсуждающих свои биржевые победы, она носила тарелки с едой, которой никогда не пробовала, и улыбалась людям, которых презирала. Чаевые — жирные, пропитанные запахом дорогих сигар и тщеславия — были единственным, что удерживало их «лофт» от окончательного превращения в руину. Иногда, в тишине между заказами, она рисовала на салфетках карикатуры на посетителей — острые, злые, единственное напоминание о тех дополнительных уроках живописи, что оплачивал ее отец, мечтая о другой судьбе для дочери.

Поэтому Джо то и дело оказывался у Ди — когда Джесси уставала от его «рецидивов», возвращаясь домой с ногами, гудящими от бесконечной беготни, и видя, что он прокурил или пропил ее вчерашние чаевые, или когда он сам не выдерживал ее взглядов, полных разочарования и тихой злости после особо тяжелого дня.

— Блять, Ди, — Джо, закуривая, озирает квартиру, — как ты тут вообще живешь? Это же не квартира, а натуральный гадюшник! Хотя Джесси, та вообще псих — после смены в своем хрустальном дворце приходит и начинает драить наш сортир так, будто там должен обедать сам Рейган⁹²!

⁹⁰ **Лофт (loft)** — в исходном значении — переоборудованное под жилье промышленное помещение (бывшая фабрика, склад). В 80-е лофты в Нью-Йорке только начинали входить в моду у художников и богемы как дешевое жилье с большим пространством. Джесси иронично называет так их развалюху, противопоставляя свой «лофт» тем пафосным лофтам, которые позже станут жильем для богатых. Для нее это слово — насмешка над их положением.

⁹¹ **Варка (варка наркотиков)** — процесс приготовления наркотиков из сырья.

⁹² **Рейган (Ronald Reagan)** — 40-й президент США (1981–1989). Для панков и левых — символ консерватизма, капита-

Ирония была в том, что сам Джо вносил немалый вклад в этот «гадюшник» — он планомерно и методично загаживал кухню. Впрочем, из всей их компании кухню по назначению использовал только он. Остальные использовали ее как дополнительную спальню, кинув туда еще пару матрасов.

Квартира Ди давно перестала быть просто квартирой.

Она стала прибежищем для таких же, как он — отбросов, но не сдавшихся.

Здесь ночевали проститутки, сбежавшие от сутенеров, музыканты, выгнанные из групп за «неподходящий имидж», парни из провинции, мечтавшие о славе, но пока прозябавшие в подвалах. Ди никогда никому не отказывал. Помнил, каково это — быть на дне.

На кухне Джо же обычно пек свои кексы — те самые, с травкой. Духовку он обычно врубал на максимум, чтобы прожарить тараканов, поэтому во время его визитов находиться в кухне было невозможно.

Еще Джо варил всякую дрянь на плите. Дрянь кипела, выливалась и загаживала плиту окончательно. Потом Джо толкал эту дрянь на их вечеринках. Удивительно, как еще никто не откинулся после нее...

— Держу пари, в полнолуние вместо твоего Асмодея завалится Джесси и опять заставит тут все драить.

— Ну нахер! — Никки за его спиной тыкал ножом в воздух, будто наносил удары невидимой Джесси.

Ди похлопал Никки по плечу и потащился на кухню за пивом. В раковине стояла кастрюля с остатками вчерашнего ужина — или позавчерашнего, кто знает? — и зловонный запах, который поднимался оттуда, смешивался с ароматом сигарет и сладким привкусом кексов. В гостиной Кайра орала на Никки и опять швырялась кексами.

Джесси раз за разом пыталась навести тут порядок.

Безуспешно.

В прошлый раз она притащила сюда свою маниакальную чистоплотность и развесила в гостиной плакаты Kiss — будто это могло превратить их помойку в нормальное жилье.

Ди ненавидел Kiss⁹³.

Поэтому он удовлетворенно ухмыльнулся, когда кекс, запущенный Кайрой, врезался в лицо Джина Симмонса⁹⁴, оставив кремовую вмятину прямо между глаз.

— Так ей и надо, — Ди поднял банку пива в тост за хаос. — Пусть знает — Kiss здесь не катят.

Никки, тем временем, тыкал ножом в воображаемую Джесси, целясь между лопаток:

— Вот так, сука! Вот так! Ты еще свою тряпку принеси...

— Никки, завязывай! — взвизгнула Кайра, швырнув окурочек в его сторону, и потянулась за кексом, валявшимся среди оберток от сигарет и битых бутылок. Отряхнув его от крошек стекла и пепла, она откусила половину за раз, даже не поморщившись.

— Кайра, а ты кончай жрать! — Никки резко развернулся, и его косуха с нашивкой «REAGAN IS A ZOMBIE» хлопнула по стулу. — Я тебя с клуба тащить не буду!

лизма, урезания социальных программ и холодной войны. *Важно для понимания эпохи:* Его политика «рейганомии» (сокращение налогов для богатых и урезание социальных программ) уничтожила остатки социальной защиты для бедных, выбросив тысячи людей на улицу. Он развязал новую гонку вооружений и поддерживал антикоммунистические режимы по всему миру, что для панков, многие из которых были антимилитаристами, было неприемлемо. Кроме того, Рейган и его союзники из религиозных правых вели войну против всего, что считали «безнравственным» — абортов, рок-музыки, гомосексуальности, — что прямо било по свободе самовыражения, которую отстаивала панк-культура. Для панков Рейган был олицетворением «системы», которую они отрицали.

⁹³ **Kiss** — американская глэм-рок группа, знаменитая своим сценическим макияжем и коммерческим подходом. Панки презирали Kiss за «продажность» и мейнстрим. Джесси, пытаясь навести уют, развесила плакаты Kiss, не понимая, что для Ди это оскорбление.

⁹⁴ **Джин Симмонс** — бас-гитарист и вокалист Kiss, самый узнаваемый участник группы с его демоническим гримом и длинным языком.

Он швырнул нож в стену — лезвие воткнулось рядом с афишей их прошлого концерта, изрешеченной дырками от сигарет.

— Ди, хватит пиво хлестать! — Никки ткнул пальцем в его сторону. — У нас Питер и так уже почти в отключке. И где блядский Джо со своей рыжей стервой?

Он закатил глаза, провел рукой по лицу, оставив на коже черные полосы от туши.

— Господи, я в аду!

Никки всегда был высокомерным сукиным сыном. Он вырос в Бруклине⁹⁵ в строгой семье пятидесятников: по воскресеньям звучали гимны под аккордеон⁹⁶ его бабушки, а на стенах висели вышитые рушники⁹⁷ рядом с распятиями. После того, как он в четырнадцать лет сжег церковный сборник псалмов в бочке на Кони-Айленд⁹⁸ (уже под кайфом и в приступе ярости), мать смотрела на него с немим ужасом, шепча молитвы.

Ди знал его мать. Не истеричку, как твердил Никки, а женщину с уставшими глазами и руками, вечно перебирающими деревянные четки⁹⁹. Он видел, как дрожали ее руки, когда она шептала: «Как мой мальчик?» после их тайных чаепитий. В ее зеленых глазах, таких же ясных, как у сына, но потухших, читалась глубокая скорбь, причина которой была Ди неизвестна.

Этот «мальчик» жил в другом мире — раздираемый противоречиями, он метался как маятник. До семнадцати он еще цеплялся за веру, но потом... Потом все посыпалось. Иногда он верил, что связан напрямую с Господом, иногда — пытался покончить с собой из-за несовершенства мира, иногда — творил какие-то блядские ритуалы вызова Сатаны. А иногда мешал все вместе и считал себя чуть ли не Антихристом. Но именно его гитарные риффы, пропитанные ненавистью к Рейгану и ядерной паранойей, скрепляли их группу — как ржавый болт в разваливающемся вагоне нью-йоркского метро.

Из дома Никки сбежал в пятнадцать, прихватив только крестик и старую скрипку своей русской бабушки. Он давно не прикасался к смычку, но хранил инструмент как талисман — проклятую реликвию прошлого и, по его словам, «проводник истинных вибраций». Крестик на груди и скрипичный футляр, покрытый царапинами и наклейками панк-групп, были теми самыми нитями — единственными, но прочными, что связывали его с тем миром, который он так яростно отвергал.

Ди впервые встретил Никки зимой 1977-го в Max's Kansas City, где тот пытался поджечь свою гитару¹⁰⁰ во время соло. Пламя лизало гриф, Никки орал что-то про Апокалипсис, а охрана уже бежала к сцене. Ди тогда вытащил его за шкурку и притащил к себе. Первые месяцы Никки спал на кухонном полу, завернувшись в засаленный плед и прижимая к груди тот самый футляр. По ночам Ди слышал, как тот бормочет молитвы или плачет. Иногда просыпался от того, что Никки стоял над ним с ножом и шептал: «Ты настоящий? Или это опять они?»

Но когда Никки брал в руки гитару — все менялось. Его пальцы оживали, а в глазах появлялась не безумная пустота, а яростная концентрация. Со временем Ди научился понимать его причуды. Если Никки три дня не спал и орал про Число Зверя — значит, скоро родится

⁹⁵ **Бруклин** — один из пяти боро (районов) Нью-Йорка. В отличие от Манхэттена, Бруклин долгое время считался «спальным» районом, где селились семьи среднего класса и иммигранты. В 70-80-е там были как вполне благополучные кварталы, так и опасные гетто.

⁹⁶ **Аккордеон** — музыкальный инструмент, популярный в народной музыке многих культур, включая русскую, украинскую, а также у первых иммигрантов в США. В пятидесятнических общинах музыка была важной частью богослужений.

⁹⁷ **Рушники** — вышитые полотенца, традиционный элемент славянского быта и обрядовости. Их наличие в доме пятидесятников указывает на сохранение культурных корней семьи Никки, несмотря на религиозную принадлежность.

⁹⁸ **Кони-Айленд (Coney Island)** — район на юге Бруклина, знаменитый своими пляжами, парками аттракционов и променадом. В 70-80-е пришел в упадок, но оставался местом тусовок молодежи и маргиналов.

⁹⁹ **Четки** — в православии и католичестве — шнур с узелками или бусинами для отсчета молитв. Мать Никки перебирает деревянные четки — деталь, подчеркивающая ее глубокую религиозность и тревогу за сына.

¹⁰⁰ **Попытка поджечь гитару во время соло** — отсылка к реальным практикам панк- и рок-музыкантов (например, Джими Хендрикс сжигал гитары, но у Никси это акт безумного эпатажа, а не шоу).

новая песня. Если запирался в ванной с бутылкой виски — значит, опять звонила мать. Их конфликт был вечным: ее внезапно обретенная, всепоглощающая вера после какой-то старой трагедии (Ди так и не понял, какой именно) против его наркотического бегства от реальности, начавшегося как раз в те же четырнадцать лет. Галлюцинации смешивали Бога, дьявола и призраков прошлого в один кошмар.

Ди был старше Никки всего на три года, но ему казалось, что разница между ними огромна. Он уже не верил в то, что у них что-то выгорит. Песни были хороши, но слишком простые, слишком обычные, чтобы выстрелить. Типичный панк рок, без искры и без огня. Впрочем, огонь был. Буквально. Ди помнил, как на прошлом выступлении Никки, не отрываясь от гитарного соло, достал зажигалку и поднес к деке. Пламя лизало дерево, дым стелился по сцене, а он орал что-то неразборчивое, будто говорил на языке, который понимал только он один. Питер, не прекращая бить по барабанам, кинул в его сторону банку с пивом. Пена хлынула на гитару, огонь погас с шипением.

Люди приходили не на концерт. Они приходили смотреть, как Никки рвет струны и швыряет обломки в толпу. Как Ди, уже охрипший, выкрикивает слова, которые сам едва помнит. Как Джо, с лицом, выражающим полное безразличие, перебирает струны баса, будто это не инструмент, а орудие пытки. Как Питер методично долбит по барабанам, словно отбивает такт к собственным похоронам.

Иногда Никки приковывал себя к аппаратуре. Иногда разбивал бутылки о сцену и катался по осколкам. Иногда просто стоял и смотрел в потолок, пока группа играла без него.

Ди уже не помнил, когда они в последний раз отыграли концерт от начала до конца без происшествий.

Пора было уже что-то менять, но у Ди не было ни сил, ни времени. В конце концов, они периодически выступали в клубах, у них были свои фанаты, и в целом — они были типичной группой, широко известной в узких кругах¹⁰¹. Чтобы прорваться выше, нужно было что-то по-настоящему новое.

Ну и для рывка выше нужно было быть чуть более адекватными на концертах. Например, не свалиться со сцены прямо на первой песне.

— Никки, это просто кексы! — заорала Кайра. — Без травки! Их даже не Джо пек!

— А кто? — удивился Ди.

В их компании готовить умели только двое: Джо со своими наркотическими экспериментами (его «особые» кексы однажды отправили Питера в трехдневный трип¹⁰²) и Джесси, которая демонстративно отказывалась кормить «этот сброд». Остальные максимум могли пожарить яичницу, если не забывали выключить плиту. Ди до сих пор с содроганием вспоминал «суп» Никки из энергетиков и тушенки, после которого вся группа сутки пролежала пластом.

— Роза угостила, — ответила Кайра так, словно речь шла о соседке снизу, а не о невесте его брата из того самого «другого» мира. — Никки, ты бы ее видел! Чистенькая блондиночка в платье от Лауры Эшли¹⁰³. Сестра Ди, кстати. Ну, будет ей скоро.

Никки замер с гитарным шнуром в руках:

— У тебя есть сестра? С каких пор?

¹⁰¹ «Широко известная в узких кругах» — ироничная характеристика их группы: они имеют фанатов и выступают, но до настоящего успеха далеко. В контексте нью-йоркской панк-сцены 80-х это было обычным делом: десятки групп играли в клубах Ист-Виллидж, записывали демо-кассеты, давали интервью в фэнзинах, но до коммерческого успеха (контрактов с лейблами, ротации на радио, национальных туров) добивались единицы. Для большинства «известность в узких кругах» была потолком — и одновременно предметом гордости, так как мейнстрим презирался.

¹⁰² **Трип** (от англ. **trip** — путешествие) — сленговое название состояния измененного сознания под воздействием психоделиков (ЛСД, грибов и т.д.). Кексы Джо отправили Питера в трехдневный трип — сильная интоксикация.

¹⁰³ **Лаура Эшли (Laura Ashley)** — британский бренд одежды, известный своими романтическими, «деревенскими» платьями в цветочек и пастельных тонах. Одежда от Лауры Эшли была символом респектабельности, женственности и консервативного вкуса — полная противоположность панк-стилю.

Ди почувствовал, как по спине побежали мурашки. Сидеть в этой вонючей, прожженной сигаретами квартире и обсуждать Розу — чистенькую, пахнущую дорогими духами, в ее белом платье — казалось кощунством. Как будто он тащил ее сюда мысленно, пачкая ее образ их грязной реальностью.

И поэтому мысль о том, что Роза встречалась с Кайрой и передала ей кексы — казалось какой-то нереальной. Ди даже посмотрел на бутылку, но там по-прежнему было только пиво. Да и выпил он совсем немного. Странно, все слишком странно...

— Невеста моего брата, — коротко ответил Ди, потому что Никки все еще ждал ответа. — Кайра, какого хуя ты с ней встречалась?

— Роза милашка, — потянулась Кайра, ее пирсинг блеснул в тусклом свете лампы. — Она позвонила, сказала, что искала тебя, но ты на смене был тогда. Ну, поэтому мы поболтали. Она сказала, что сожалеет, что Глэдис сука и что мы остались без десерта в тот вечер, поэтому приготовила кексы. Они вкусные. Меня от них штырит лучше, чем от кексов Джо.

Ди резко дернулся, чуть не опрокинув банку с пивом:

— Ты притащила ее сюда? — его голос дрогнул. Он представил, как Роза осторожно перешагивает через шприцы в их подъезде, ее белые туфли тонут в слое грязи и окурков.

— Расслабься, — Кайра махнула рукой на граффити «Яппи вон!»¹⁰⁴ за окном. — Мы встретились у Билли.

— У Билли! У блядского Билли! Кай, ты совсем ебнулась?

— А че?

— Ты притащила Розу к Билли? Кайра, тебе напомнить, чем занимается Билли? Она чужая тут!

— Да нормально мы посидели! Она даже не скривилась, когда он предложил ей крэк вместо сахара. Не переживай за свою принцессу, она взрослая девочка. Ей, кстати, двадцать четыре — ровесница нашего Никки.

Ди замер. В голове крутилась только одна мысль: «Почему?» Почему Роза, эта хрустальная девушка из гребаного стерильного пригорода, вдруг полезла в их помойку? Что ей вообще нужно от Кайры? От Билли? От... него?

Никки вдруг засмеялся — резко, истерично:

— О, я понял! Она хочет спасти тебя, Ди! Как тот долбоеб-священник в фильме про наркоманов. Скоро начнет читать нам Библию.

Слова Никки, как нож, вонзились в оцепенение Ди. Он открыл рот, чтобы что-то крикнуть в ответ, но Кайра вдруг стремительно полезла в карман рваных джинс и швырнула на стол свежий снимок.

— Ну что, Ди, будешь вешать на стену или спрячешь под подушку? — она похабно подмигнула. — Только смотри, не кончай на него сразу... а то жалко будет портить.

Снимок был еще теплым. На нем Роза стояла у Билли, держа в руках коробку с кексами, и смеялась так, будто вокруг не было ни вони бензина, ни криво намалеванных свастик¹⁰⁵ на стенах. Как будто ее смех мог смыть всю эту грязь.

Ди почувствовал, как сжались его кулаки. Этот снимок был как пощечина — Роза, сияющая посреди всего этого дерьма, словно говорила: «Смотри, твой мир меня не испугал».

Он резко вскочил, опрокидывая банку с пивом. Пена брызнула на его джинсы.

— Заткнись нахуй, — его голос прозвучал как удар ножом. — Ты вообще понимаешь, о ком говоришь? Это моя будущая сестра.

¹⁰⁴ «Яппи вон!» (граффити) — надпись на стене за окном. Социальный протест против яппи, которые в 80-е начали заселять и облагораживать районы, вытесняя бедноту (джентрификация). Граффити — способ маркировки территории.

¹⁰⁵ Свастики на стенах — в Нью-Йорке 80-х граффити со свастиками рисовали не только неонацисты, но и просто вандалы, а также панки, использовавшие этот символ для эпатажа и провокации (часто перечеркнутым). Тем не менее, это часть агрессивной среды трущоб.

Кайра насмешливо фыркнула, но промолчала. Ди выдохнул и устало опустил обратно на пол, сжимая фотографию Розы.

Странно все. Роза была странной. Слишком веселой, слишком идеальной, слишком заботливой... и эта загадка возбуждала его больше, чем сотня голых фанаток.

Дверь в соседнюю комнату со скрипом открылась, и на пороге появился Питер, держа в руке полупустую бутылку дешевого виски. Его волосы, обычно собранные в небрежный хвост, сейчас растрепались, а глаза блестели тем особым блеском, который означал — он уже навеселе, но еще не совсем пьян.

— О, великий философ проснулся! — Кайра бросила в него окурочек. — Ты как, живой еще? Или опять будешь ныть про «экзистенциальную пустоту»?

Питер проигнорировал ее, уставившись на Ди.

— Слышал, ты к Мэри ходил, — его голос был тихим, но жестким. — Ди, ну нахуй? Ты же не идиот. Ты каждый день видишь, что творится в городе. СПИД — это не шутки.

Ди резко повернулся к нему, чувствуя, как злость поднимается из глубин.

— О, вот оно что! — он фыркнул. — Питер Моррисон, наш моральный компас, вдруг озаботился моим здоровьем! А где ты был, когда свою последнюю зарплату пропил за два дня, а потом мы три дня сидели на хлебе и воде? Где твоя забота тогда, а?

Внезапно его взгляд упал на фотографию Розы, случайно оказавшуюся перед ним. Яркая улыбка девушки на фоне грязных стен квартиры показалась ему сейчас особенно неуместной. Он резко прикрыл снимок ладонью, но образы уже всплывали в памяти.

— Ты думаешь, я не знаю? — его голос прозвучал неестественно тихо. — На прошлой неделе вывезли парнишку из клуба на Бликер-стрит¹⁰⁶. Двадцать два года, Питер. Весил фунтов шестьдесят¹⁰⁷ — кожа да кости. Весь в этих... фиолетовых пятнах¹⁰⁸, — Ди провел рукой по лицу. — Когда интубировал¹⁰⁹ его, он вырвал мне в лицо кусок легкого. Кровь с гноем. А через три дня мне сказали — он сдох. И знаешь, что самое пиздецовое? У него даже диагноза официального нет. В карте написали «пневмония неясной этиологии»¹¹⁰, потому что врачи боятся паники.

Никки, до этого молча ковырявший ножом в столе руны, вдруг оживился. Его глаза дико блестели, а на локте краснела свежая дорожка от укола.

— Божья кара, — прошептал он, облизывая окровавленный нож. — В Библии сказано — «за грехи ваши будете наказаны проказой». Это они через иглы распространяют. Правительство. Чтоб геев и наркоманов выкосить, — он ткнул грязным пальцем в воздух. — Я читал!

Ди резко развернулся к нему. Ярость клокотала внутри — не столько на бред про «божью кару», сколько на этот свежий след от укола, на эту идиотскую игру в сатаниста с грязным шприцем в вене.

— Да? — холодно усмехнулся Ди. — А это что, блять, такое? — он ткнул пальцем в свежий след от укола на руке Никки. — Я для кого налоксон и шприцы таскаю? От Дейзи. Которую я трахаю, чтобы ты не сдох до двадцати пяти, лицемер ебучий.

Никки задрожал, его пальцы судорожно сжали нож. Капли пота выступили на лбу.

¹⁰⁶ **Бликер-стрит (Bleecker Street)** — улица в Гринвич-Виллидж на Манхэттене, известная своими клубами, барами и музыкальными заведениями. В 80-е там еще сохранялась богемная атмосфера, но уже начиналась джентрификация.

¹⁰⁷ **60 фунтов** — примерно 30 килограмм

¹⁰⁸ **Фиолетовые пятна / язвы** — здесь: описание саркомы Капоши, одного из характерных проявлений СПИДа на поздних стадиях. Злокачественные опухоли на коже и внутренних органах выглядели как фиолетовые или коричневые пятна.

¹⁰⁹ **Интубация** — введение специальной трубки в трахею для восстановления проходимости дыхательных путей и проведения искусственной вентиляции легких.

¹¹⁰ **Пневмония неясной этиологии** — официальный диагноз, который ставили многим больным СПИДом в начале эпидемии, чтобы избежать паники и стигматизации. На самом деле это была пневмоцистная пневмония — оппортунистическая инфекция, убивавшая людей с разрушенным иммунитетом.

— Э-это другое... — он закашлялся, сглатывая слюну. — Я... я очищаюсь. Ритуалы. Ты не понимаешь...

— Понимаю, — Ди шагнул вперед, заставляя Никки отодвинуться. — Что ты трешься в углу с грязной иглой, пока читаешь проповеди. Что твои «ритуалы» пахнут героином, а не святостью, — он пнул ногой ржавую ложку с остатками коричневой гадости. — Кто вчера орал, что у него «духовное просветление»? А сегодня трясешься, как последний уебок.

Никки вдруг сжался в комок, его тело была мелкая дрожь. Глаза расширились от животного страха.

— Ди... — его голос сорвался на писк. — Мне плохо. Ты же... ты же не дашь...

Ди сжал кулаки, чувствуя, как ярость смешивается с едкой горечью и полным бессилием. Он знал этот взгляд — видел его у наркоманов в подворотнях, у алкоголиков в приемнике. Даже у себя в зеркале. И знал, что слова, угрозы, ненависть — все бесполезно против этой химической петли. Дать шприц — не спасение. Это просто отсрочка. Но другой помощи у него не было.

— Черт с тобой, — пробормотал он, уже без злости, с тяжелой усталостью в голосе. Он подошел к своему рюкзаку и полез в карман за упаковкой стерильных шприцев. — Я не могу тебя остановить. Боже, как я хотел бы... Но пока ты колешься, будешь колоться чисто. Хотя бы это, — он протянул шприцы. — Но запомни, сволочь: если еще раз услышу про «божью кару» — следующую дозу будешь искать сам. В мусорках. Где ее ищут настоящие грешники. Может, там твой Асмодей и найдется.

Кайра фыркнула, затягиваясь сигаретой:

— Ой, да ну вас нахуй с этой паранойей. Рейган нас всех в ядерной войне спалит раньше, чем эта фигня доберется, — она лениво потянулась, оголяя живот с татуировкой «No Future»¹¹¹. — Я вот без презервативов трахаюсь — и ничего, живая. Хотя... — она игриво подмигнула Ди, — может, уже и нет. Кто его знает.

Ди вскипел. После истерики Никки ее беспечность ударила по нервам, как током. Он резко вскочил, опрокидывая табурет с таким грохотом, что Питер вздрогнул.

— Ты, блять, слепая?! — он шагнул к Кайре, сжимая кулаки. — Ты думаешь, это шутки?! Я завтра могу тебя вывезить!

Он наклонился так низко, что их носы почти соприкоснулись

— «Ничего, живая»? — заорал Ди. — Я видел, Кайра. Не по телеку. Не по слухам. Вот так, в сантиметре от лица, — Ди почувствовал, что его руки дрожат, но усилием воли заставил себя продолжить. — Вчерашний вызов. Парень, твой ровесник. Лежит в луже рвоты и собственного дерьма. Весь в этих... фиолетовых язвах, как гнилые сливы под кожей, — он сделал паузу, глотая ком в горле. — «Помогите», — шепчет. А помочь нечем! Только морфин вколоть и ждать, пока сдохнет. И знаешь, как он пахнет? Как гниющее мясо в мусорном баке в июльскую жару. Этот запах... он въедается в кожу, в волосы. Его не смыть!

Кайра попыталась оттолкнуть его, но он схватил ее за запястье — не больно, но железно. Его пальцы задрожали еще сильнее.

— Ты думаешь, тебя пронесет? — прошептал Ди. — Потому что ты «крепкая»? Потому что «везет»? Все они так думали. Пока не начали гнить заживо. Пока не перестали узнавать себя в зеркале. Пока родные не стали бояться к ним подходить! — он резко отпустил ее руку, отшатнувшись. — И да, Кайра. Ты можешь. Ты уже могла. От любого. От того мудака в «Limelight»¹¹², с кем ты трахалась в туалете на прошлой неделе без резины. От Никки, который

¹¹¹ «No Future» (Нет будущего) — знаменитый лозунг панк-движения, особенно после песни Sex Pistols "God Save the Queen" (1977) с этой фразой. Выражал отчаяние поколения, выросшего в условиях экономического кризиса и ощущения надвигающейся катастрофы (ядерной войны). Татуировка Кайры — ее кредо.

¹¹² Limelight — один из самых знаменитых нью-йоркских клубов 80-х, расположенный в бывшей церкви на пересечении Шестой авеню и 20-й улицы. Был эпицентром ночной жизни, местом тусовок знаменитостей, артистов, а также рассадником

колется грязным хламом. От меня, блять! — он ударил себя кулаком в грудь. — Потому что я, парамедик, который видел этот ад тоже иногда забываю эту хуевую резину, когда накурен в хлам! Потому что я — такой же ублюдок, как и вы!

Наступила тишина. Ди тяжело дышал, чувствуя, как дрожат руки. Он ненавидел эти разговоры. Ненавидел, что Питер прав. Ненавидел, что каждый раз, когда он ложился с кем-то, в голове звучал голос инструктора по технике безопасности: «Презерватив — не 100% защита. Любой контакт — риск».

Питер первым нарушил молчание:

— И после этого ты все еще... с Мэри? — он не стал договаривать, но жест к двери говорил сам за себя.

Ди резко выдохнул, проводя рукой по волосам.

— На работе тест¹¹³ делали. Отрицательный, — он достал из кармана смятый листок с печатью и сунул его Питеру под нос. — Видишь? «Negative». Но да, — его голос стал тише, — я знаю, что тест мог не сработать. Что инкубационный период бывает долгим. Что завтра все может измениться.

Он швырнул бумажку на стол и резко развернулся к Питеру, его голос снова стал жестким:

— Но ты знаешь, что я еще знаю? Что если я не пойду к Мэри — вы все сдохнете с голоду раньше, чем СПИД до меня доберется.

Ди мотнул головой в сторону тумбочки, где среди пустых бутылок и окурков валялась пачка презервативов.

— Видишь? Покупаю всегда. Даже когда денег на сигареты нет. Потому что я не самоубийца. Но жизнь — дерьмо, Питер. Иногда резина рвется. Иногда забываешь, когда пьян в хлам. Иногда просто... — он сделал паузу, — иногда просто хочешь на минуту почувствовать, что ты жив, а не ходячий труп.

Питер нахмурился:

— Это что, оправдание?

— Это факт, — Ди хрипло рассмеялся. — Давай вспомним: кто в прошлом месяце оплатил аренду, когда ты пропил свою зарплату? Кто купил Никки новые струны после того, как он сжег старые в «ритуальном костре»? Кто тащит еду, когда Кайра проебала все деньги на очередной пирсинг?

Он ткнул пальцем себе в грудь:

— Я. Потому что кто-то должен. Потому что если не я — то кто? Ты? — Ди язвительно усмехнулся. — Ты даже себя прокормить не можешь, философ ебанный. Я сколько раз вас всех на работу устраивал?! Ругался, угрожал, связи использовал! Помнишь, Никки? Ту пиццерию у метро? Два дня — и ты сжег форму на «ритуальном костре» потому что она «пачкает ауру»! Кайра — бар «Пламя», помнишь? Украла с кассы на новый пирсинг в нос! А ты, Питер... — Ди с ненавистью посмотрел на него, — тот книжный магазин? Собеседование проспал, потому что «искал смысл бытия» в бутылке виски! Все мои попытки вас пристроить — в мусорку!

Питер молчал. Скулы резко задвигались у него на лице, будто он с силой сжал челюсти, чтобы не выкрикнуть что-то в ответ.

— Так что да, — Ди выдохнул, — я рискую. Но не потому, что мне плевать. А потому что другого выхода нет.

Питер покачал головой, но спорить не стал. Ди резко выдохнул, проводя рукой по лицу, и потянулся к презервативам. Дешевые, тонкие — единственная преграда между жизнью и

секса и наркотиков.

¹¹³ **Тест на ВИЧ** — первые тесты на антитела к ВИЧ появились в 1985 году, но их точность была не 100%. Инкубационный период (время, за которое вырабатываются антитела) мог составлять до 6 месяцев, поэтому отрицательный результат не гарантировал, что человек не заражен. Ди знает об этом, отсюда его пессимизм.

медленной смертью. Пальцы автоматически проверили целостность упаковки — привычка, вьевшаяся глубже, чем никотиновая зависимость¹¹⁴.

«Negative», — мысленно повторил он, вспоминая смятый листок с результатами теста. Но бумажка не могла стереть другие образы — фиолетовые пятна на бледной коже, пустые глаза, запах гниющей плоти...

Ди резко встряхнул головой, пытаясь прогнать навязчивые картины. Взгляд упал на фотографию, которую он все еще сжимал в другой руке. Роза. Улыбающаяся. Чистая.

Неожиданный контраст заставил вздрогнуть. После всего этого ада — ее лицо, освещенное солнечным светом у Билли, среди грязи и разрухи. Как будто она пришла не из другого района, а из другого измерения.

— Не похоже на твоих обычных... — Питер протянул руку, и Ди машинально одернул фотографию, не дав оставить на ней грязный отпечаток.

— Невеста брата, — прошипел он, чувствуя, как что-то сжимается в груди. — И нет, я ее не трахал.

Питер хмыкнул, отхлебнул из бутылки и плюхнулся на диван рядом с Кайрой, раздавив при этом пачку сигарет.

— Просто удивительно, — протянул он, — как эта... куколка... — он сделал паузу, подбирая слово, — как она вообще оказалась у Билли? Там же даже я после двух бутылок чувствую себя не в своей тарелке. А она... — он махнул рукой в сторону снимка, — выглядит так, будто пришла на чаепитие к королеве.

Кайра неожиданно засмеялась, но смех ее был резким, нервным:

— О, ты бы видел! Билли ей сразу свой «особый чай для мисс» предложил, а она... — Кайра передразнила изысканный жест, — «Нет, спасибо, у меня аллергия». Как будто он не крэк предлагал, а лишнюю ложку сахара. Он тогда так хмыкнул... ну, знаешь, его «по-свойски».

Ди почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Эта сцена — Роза среди грязи, сохраняющая свое достоинство — казалась настолько нереальной, что даже больничные кошмары на мгновение поблекли.

— Аллергия, — вдруг фыркнул он, и в голосе его прозвучала странная смесь насмешки и чего-то похожего на восхищение. — У нее, блять, аллергия.

Питер неожиданно наклонился вперед, его глаза блестели с неприкрытым интересом.

— Так, стоп, — он ткнул пальцем в фотографию. — Ты говоришь, это невеста твоего брата. Говоришь, не трахал. Но вопрос-то главный — хочешь?

Тишина повисла густая, как дым от костра. Даже Никки отвлекся от своего ножа.

Ди почувствовал, как кровь ударила в виски.

— О, это же Ди! — Кайра фыркнула, разваливаясь на диване. — Он хочет трахнуть все, что движется. Помнишь ту историю с фанаткой в туалете СВГВ? Та, что кричала «я девственница», а потом оказалось...

— Что накануне она переспала с тремя барабанщиками одновременно, — Ди автоматически закончил за нее, но голос звучал глухо. Он вспомнил липкие стены того туалета, запах пива и дешевого парфюма, и девчонку с синяком под глазом, которая орала: «Ди — бог!» прямо в его грязную майку. Она была лишь одним из многих таких же смутных силуэтов в его пьяном мареве.

— А та рыжая из Бруклина! — Никки оживился, тыкая ножом в воздух. — Помнишь, Ди? Та, что сказала, что может глотать целиком? Мы же тогда поспорили на бутылку виски! И

¹¹⁴ Презервативы (резина) — в 80-е, с началом эпидемии СПИДа, презервативы стали главным (и фактически единственным) средством защиты. Кампании по пропаганде безопасного секса ("No glove, no love") стали частью городской культуры. Однако качество дешевых презервативов было низким, они часто рвались, отсюда привычка Ди проверять упаковку.

ты, сволочь, выиграл! Она реально... — Никки сделал непристойный жест языком и горлом, хихикая. — А потом ее вырвало тебе на ботинки! Классика!

— Не забывай ту модель из журнала, — встряла Кайра, ее голос звенел ядовитой сладостью. — Та, что «ищет настоящих мужчин». Ты ее в подсобке «Максима» трахнул, пока ее бойфренд-банкир искал ее по клубу. Она потом плакала, говорила, что ты ее «испачкал», ага, — Кайра затянулась, выпуская кольцо дыма прямо в лицо Ди. — Испачкал, блять. Как будто она сама не пришла туда за этим.

Ди стиснул зубы. Образы всплывали, как грязная пена: размазанная тушь, сбитое кружевное белье, сопливые обещания, которые он тут же забывал. Он использовал их. Они использовали его. Обычный обмен в их мире. Роза... Роза не вписывалась в эту картину. Ее улыбка на фото резала глаза.

— Или вот Мэри! — Питер хлопнул себя по лбу с преувеличенным пониманием. — Наша спасительница от голодной смерти! Говоришь, пахнет рыбой? Зато дала тушенки! Ты ее там на складской полке... — он сделал непристойный жест бедрами.

Ди почувствовал, как тошнота подкатила к горлу. Воспоминание о липких прикосновениях Мэри, ее тяжелом дыхании в темноте склада рядом с ящиками тухлой капусты... И рядом — этот снимок. Роза. У Билли. Чистая. Контраст был оскорбительным. Он машинально протер руку о рваные джинсы.

— Так что насчет блондинки, Ди? — Питер вернулся к своему вопросу с упорством пьяного. Он тыкнул пальцем в фотографию, оставив жирный отпечаток прямо на белоснежном воротнике Розы на снимке. — Хочешь? Представь, как она на коленях перед тобой? Эти губки бантиком вокруг твоего члена, а глаза такие невинные... «Ой, Дэниэл, я же невеста твоего брата!» — передразнил он тоненьким голоском, закатывая глаза под потолок, заляпанный копотью. — А ты ей в ответ: «Ну и хуй с ним, сестренка, сосни по-семейному!» И она послушно открывает ротик, такой розовый, чистенький... пока ты не засунешь туда свой грязный член.

Никки тут же подхватил, облизывая лезвие ножа:

— С такой-то внешностью святой... Да она, наверное, давно уже все грехи в постели испробовала. Глянь на нее — личико ангела, а в глазах... в глазах знак: «Хочешь, я тебе всеми дырочками в аду дорожку проложу?»

— Да ну, — Питер фыркнул. — Такие обычно звездятся. Лежат, как бревно, и орут: «Осторожнее, платье не мни!»

— Зато кричать будет по-настоящему, — Кайра похабно застонала, изображая Розу. — «Ах, Дерек никогда так не трахал меня!»

Ди стиснул зубы. Раньше он первым бы влился в этот разговор, подкинул бы пару похабных шуток, может, даже разгорячился бы — он же не раз обсуждал с ними женщин, с которыми спал. Но сейчас каждая шутка резала, как нож.

— Да вы совсем ебнулись, — резко сказал он. — Вы вообще слышите себя?

Но они не унимались. Никки взвизгнул от восторга, подпрыгивая на месте. Его глаза горели лихорадочным блеском, пальцы нервно перебирали лезвие ножа.

— О да-да-да! — заорал он, размахивая руками так, что косуха хлопала, как крылья летучей мыши. — Представляю! Она в этом белом костюмчике... — он слюняво причмокнул, — ...стоит перед тобой на коленях, а ты такой... — Никки вульгарно толкнул бедром воздух, — ...и по личику ее твоя сперма течет! Как святое причастие! А потом — хрясь! — он резко ткнул ножом в стол рядом с фото, — ...нож к горлышку! «Покажи, сестренка, на что способна, а то кишки выпущу!» И она глотает, рыдает, но сосет! Потому что боится! Потому что ты — темный бог ее чистого мирка! Ха-ха-ха!

Он закашлялся, сплевывая слюну с кровью на пол, но его истерический смех не стихал.

— Жертвоприношение! Вот что это! Белую овечку — грязному дьяволу!

Кайра наблюдала за этим, затягиваясь сигаретой с циничной усмешкой. Ее взгляд скользнул по Ди, ловя малейшую реакцию — дрожь в руке, напряжение в челюсти. Она знала его слабости.

— Ой, отстань со своими жертвоприношениями, Никки, — она фыркнула дымом ему в лицо. — Ди не маньяк-насильник. Он... соблазнитель, — Кайра повернулась к Ди, ее голос стал сладким, как прокисший мед. — Я же видела, как она на тебя смотрела на ужине. Не как на будущего шурина. А как на... опасного зверя в клетке. Ей интересно. Она хочет потрогать. Попробовать запретный плод, — Кайра игриво щелкнула языком. — Она же вся такая правильная, а внутри... червячок точит. Скука смертная с Дерекком. Ты для нее — адреналин. Грязь. Настоящая жизнь. Используй это, Ди. Пригласи на концерт. Угости пивом. Поиграй на гитаре... специально для нее. Посмотри в глаза... глубоко. Скажи что-нибудь хрипкое и грубое про ее дурацкие жемчуга. А потом... — Кайра сделала выразительную паузу, медленно обводя губы кончиком языка, — ...отведи в подсобку. Или в туалет. И дай ей то, о чем она мечтает, но боится попросить. Она сама раздвинет ноги. Из любопытства. Из жалости к «бедному потерянному мальчику». Из желания испачкаться. И все это... — Кайра злорадно ухмыльнулась, — ...под носом у братца. Вот это будет сладко. Слаще ее дурацких кексов.

Она замолчала, наблюдая, как слова вязнут в воздухе, пропитанном дешевым пивом и похотью. Ди вдруг представил — совсем против воли — Розу: ее растерянные глаза, если бы она услышала это. Как бы она сморщила носик от слова «трахнуть». Как бы ее пальцы вцепились в жемчужное ожерелье... И ему стало физически плохо — не от злости, а от какого-то жгучего стыда.

Ди вскочил как ошпаренный. То, что началось как пьяное бахвальство Питера, превратилось в мерзкую провокацию Никки и циничный план разврата от Кайры. Фото Розы в его руке казалось теперь не просто картинкой, а мишенью, испачканной их грязными фантазиями и отпечатками пальцев. В груди что-то kloкотало — смесь ярости и того самого стыда, который он давно забыл.

— Заткнитесь! Все, блять, заткнитесь! — заорал Ди, перекрывая смех Никки и хихиканье Кайры. — Кайра, — он повернулся к ней, криво усмехнувшись. — Ты сейчас разлилась сладким ядом про соблазн, а сама трахаешься с кем попало за дозу или новые сапоги. Помнишь того лысого дилера в прошлом месяце? Тот, что вонял псиной? Ты ему отсасывала в подворотне за пакетик кокаина. Так что не учи меня, как «использовать» женщин. Ты сама товар.

Кайра открыла рот для ответной язвы, но Ди уже перевел взгляд на Никки, который все еще хихикал, потирая лезвие ножа.

— Никки, — голос стал ледяным, — а тебе вообще кто-то кроме Кайры согласился дать? Или ты до сих пор молишься на то прошлое Рождество, когда она сжалилась? Ты тогда бормотал — «К-Кайра, а это точно не грех? А Сатана не рассердится?» — Ди передразнил его дрожащий, юношески-сдавленный голос. — Она же потом всем рассказывала, как ты краснел и спрашивал «а куда его, блять, вставлять?»!

Никки побледнел, потом резко покраснел, как школьник, пойманный на краже.

— Это было духовное единение! — он вскочил, размахивая ножом так, что лезвие сверкнуло у самого лица Ди. — Ты ничего не понимаешь! Мы слились в экстазе хаоса!

— В экстазе твоей неопытности, — парировал Ди холодно. — Без Кайры ты бы так и остался девственником, помешанным на рунах и мастурбирующим на картинке из Сатанинской Библии.

— Питер! — он резко развернулся к философу, который попытался занять нейтральную позицию у стены. — А ты все еще дроишь на фото бывшей? Или уже переключился на своего научрука, который ее трахнул? Как там его зовут? Профессор Джексон? Представляю, как ты стонешь его имя по ночам! И ты смеешь мне про СПИД и мораль лекции читать?

Питер нахмурился, но бутылка в его руке дрогнула. Щеки покрылись нездоровым румянцем.

— Лучше, чем спать с кем попало, — пробормотал он, избегая взгляда.

— О, это сильно, — Ди язвительно улыбнулся, широко раскинув руки, будто представляя публике клоуна. — Особенно от человека, который в прошлом месяце просрал всю зарплату и умолял меня: «Ди, дай на виски, я сдохну без нее!» А потом рыдал в подушку, вспоминая, как она пахла... «фрезиями и предательством», кажется?

Он сделал шаг назад, окидывая их всех тяжелым взглядом. В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая только шипением магнитофона.

Воздух сгустился, тягучий и неловкий. Даже Кайра перестала ухмыляться. Ди чувствовал горечь во рту — горечь от их мерзости, от своей собственной грязи, которую он только что выплеснул наружу, и от осознания, что он, по сути, прав. Он окинул их взглядом — растерянного Никки, мрачного Питера, злящуюся Кайру. Они были его отражением. Его семьей.

— Слушайте, ублюдки, — его голос был хриплым, но уже без крика. Он поднял смятую фотографию Розы, разгладил ее ладонью, стряхнув невидимую грязь. — Да, я трахаю кого попало. Стриптизерш, фанаток, Мэри... Кайру, когда она не спит с вами, — он посмотрел прямо на Кайру. — И да, я не стыжусь. Это жизнь. Наша жизнь. Грязь, дерьмо, похоть — наш мир. И я вас всех тащу на себе. Кто достает налоксон, когда один из вас, — он бросил взгляд на Никки, — решает, что героин — это круто и «расширяет сознание»? Кто оплачивает ремонт гитар, которые вы, — взгляд на Никки снова, — разбиваете в припадках «творчества»? Кто убирает блевотину после ваших запоев? Кто кормит вас, когда вы проебали все деньги? Кто звонит вносит залог, когда вы в участке? Я! Потому что вы — моя семья. Ебанутая, вонючая, но семья.

Все в комнате замерли. Питер перестал жевать резинку, его глаза, широко раскрытые, были прикованы к Ди. Никки уставился в пол, его нога бешено подрагивала.

— И да, Дерек — тоже моя семья. Кровь, блять. Как бы я его не ненавидел, как бы он меня не презирал — он мой брат. А Роза... — Ди посмотрел на фотографию в своей руке, на улыбающееся лицо, на котором Питер оставил жирный отпечаток. Его голос неожиданно сдавило. — Она теперь тоже семья. Сестра. Понимаете, еб вашу мать? Сестра.

Тишина натянулась, как струна перед обрывом. Даже Никки затих, уставившись на Ди расширенными глазами. Кайра замерла с сигаретой на полпути ко рту, ее циничная маска на мгновение сползла, обнажив что-то похожее на удивление. Питер молча смотрел в пол, бутылка виски забыта в его руке.

— Хочу ли я ее? — Ди выдохнул вопрос, который висел в воздухе.

Голос был хриплым, но невероятно тихим после недавнего крика. Он посмотрел на фотографию в своей руке. На Розу. На ее улыбку, которую не смогли запачкать ни грязь у Билли, ни похабные шутки его «семьи».

— Да, блять. Хочу. Каждый день с того проклятого ужина. Вы видели ее? Любой мужик захотел бы. Она... — его голос сорвался, когда всплыло воспоминание: Роза в белом костюме, подчеркивающим каждый изгиб — узкую талию, округлые бедра, ту самую линию, от которой у него перехватило дыхание за столом. — ...она красивая. Не просто симпатичная — совершенная. Каждый чертов изгиб будто выточен специально, чтобы сводить с ума. А когда двигается... — Ди резко сглотнул, — ...как будто танцует, даже когда просто идет через комнату. А ее волосы? Блять. Как жидкое золото. И пахнут... не знаю, чем. Не духами. Чем-то теплым. Как печенье с корицей, которое мама...

Он резко оборвал себя. Встал, нервно зашагал по комнате, сбивая ногой пустые банки:

— И да, — ткнул пальцем себе в грудь, — здесь, внутри, сводит, когда она смотрит. Эти глаза... медовые, блять, прозрачные. Как будто она видит не эту... — он махнул рукой вокруг,

демонстрируя грязные стены, — ...вонючую оболочку, а того парня, который когда-то играл на рояле и верил в какую-то хуйню. Поэтому я хочу ее. До дрожи.

Кайра фыркнула, но в ее глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. Питер молча налил ему виски. Ди отпил, но не залпом, а медленно, словно пытаясь смыть ком в горле.

— Но я не пересплю с ней. Никогда. Потому что это не просто шлюха. Это — Роза. Невеста моего брата. Сестра. По крови или нет — неважно. Она его выбрала. Его мир. Его чистоту. И предать его... — Ди резко выдохнул, будто выплевывая яд. — ...значит стать тем самым ублюдком, каким меня всегда считали. Я и так уже в дерьме по уши. Но есть черта, которую я не переступлю. Не запачкаю ее своей грязью. Не превращу в еще один пошлый анекдот для этой помойки. Она... светлая. И этот свет — единственное, что напоминает, что не все в этом мире — говно. Я не дам вам, и уж тем более себе, это потушить.

Он положил фотографию на стол, но не в грязь, а аккуратно, будто клал реликвию.

— Все. Тема закрыта. Кто еще слово про нее ляпнет — получит в ебальник. Ясно?

Никки кивнул, быстро отводя глаза. Питер пробормотал что-то невнятное. Кайра лишь пожала плечами, но в ее глазах мелькнуло что-то похожее на... уважение? Или просто удивление.

Ди развернулся и шагнул в ванную, захлопнув за собой дверь так, что задрожали стены. Зеркало, забрызганное черной краской и зубной пастой, встретило его расплывчатым отражением. Бледное лицо, впалые щеки, тени под глазами, похожие на синяки. Волосы — хоть и чистые, но все равно торчащие в разные стороны. Губы — тонкая жесткая линия. Шрамы. Пирсинг. Размазанная подводка.

Ублюдок. Отброс. Выживший.

Он уперся руками в раковину, покрытую ржавыми подтеками. Закрыв глаза. И вдруг...

Представил.

Ее. Розу.

Не в похабных фантазиях Никки, не в циничном плане Кайры. Она стояла перед ним в ванной, здесь, среди плесени и разбитой плитки. В своем белом костюме. Чистая. Сияющая. И она... улыбалась. Не соблазнительно. Не жалостливо. По-родственному. Как в тот вечер на пороге дома Дерекка, когда обняла его, не обращая внимания на грязь на косухе.

Он почувствовал, как ее руки обвивают его шею. Легкие, уверенные. Не как у Кайры — цепкие, требовательные. А как... как у матери в далеком детстве, до того, как все пошло под откос. В его ноздри ударил запах — не духов, а чего-то теплого, печеного. Корицы? Шоколада? Запах дома. Того, которого у него никогда не было.

В груди что-то сжалось — больно и сладко одновременно. Комок подступил к горлу. Он стоял, не дыша, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот хрупкий мираж. Чтобы не вспомнить, что он здесь один. Что его касается только холодный край раковины и собственное отражение — потрепанное, озлобленное, одинокое.

— Блять, — прошептал он в тишину, опуская голову. Голос сорвался. В глазах предательски запершило. Он быстро провел рукавом по лицу, смазывая подводку в грязную полосу. — Зря, сестренка... Я же все равно тебя запачкаю. Просто... не так, как они думают.

Он машинально потрогал воротник косухи — там, где остался след от ее объятий, давно стертый грязью и потом, но почему-то все еще осязаемый на коже. Как шрам от чего-то хорошего.

Семья.

Он резко отвернулся от зеркала.

— Никки! — рявкнул он, распахивая дверь ванной. — Звони Джо, блять! Концерт через час! Если он опять вмазался с Джесси, я ему яйца откручу! Кайра, ищи хоть одну чистую футболку! Питер... просто не блевани на сцене, ладно?

Он отвернулся, поднял свою гитару. Его пальцы бесцельно перебирали струны, но мысли крутились вокруг одного — вокруг ее улыбки, ее рук, поправляющих его воротник.

«Сестра», — пронеслось в голове с горькой усмешкой, пока он сжимал медиатор из старого пенни. Треснувший череп (который на нем выгравировал Никки) нахально подмигнул пустыми глазницами. — «Моя чистая, невозможная сестра».

Глава 4

Стены «К17» пропитались запахом травки, пивом и амфетаминовым потом. Клуб был как адская сауна: кондиционер умер еще в 79-м, а вентиляция работала на сигаретном дыме. На стене за барной стойкой висел телевизор Panasonic с треснутым экраном — показывал новости про СПИД и «крэк-эпидемию», но звук заглушали гитары.

Неоновый крест над сценой яростно дергался в конвульсиях, разрывая такт диссонансными вспышками — алый свет хлестал по лицу Ди, заставляя щуриться. Под ногами хрустело, как будто он шел по черепам: окурки, осколки винила, пробитая зажигалка. Кто-то вчера в адреналиновом угаре разнес бар — теперь за стойкой зияла дыра, словно вырванный клык.

Ди впился пальцами в микрофон, выкрикивая строчку из «Героиновых сердец» — горькая ирония, учитывая тот факт, что он каждую смену делал все, чтобы эти «героиновые сердца» снова забились. Он машинально потрогал карман джинсов, проверяя, не торчит ли там жгут, и только потом вспомнил: сегодня он не дежурит. Никки стоял на краю сцены, изгибаясь в почти религиозном экстазе, как заземленный провод, его крашенные в черный волосы тонули в дыму. Из кармана кожаных штанов Никки вытащил куриную лапку — трофей с ночного ритуала — и швырнул ее в толпу. Фанаты взревели, рвя ее на клочья, словно святые дары.

И тут он увидел ее.

Розу.

Ди споткнулся о провод, едва не снося барабанную установку.

— Соберись, уебок! — рявкнул Питер, швырнув в него палочкой.

А ведь начиналось все нормально — они приехали в клуб вовремя, почти трезвые и в полном составе. Сыграли большую часть песен из сет-листа¹¹⁵. Рыжая девчонка в сетчатом топе бросила на сцену лифчик — розовый, с кружевами. Ди подмигнул ей, ухмыляясь. Сиськи у нее были что надо. Этой ночью он обязательно рассмотрит их получше.

Но тут появилась она.

— Сожги этот город, брат! — завыл Никки, рванув струну так, что посыпались искры, но Ди его уже не слышал.

Странно вообще, как он сразу ее не заметил. Она снова была в белом. Тонкая блузка с рюшами делала ее совсем маленькой и хрупкой. С заколотыми наверх волосами, Роза была чужой здесь. Она стояла у барной стойки и смотрела на них. Словно ждала чего-то. Ее белый шелк светился в ультрафиолете, как погребальный саван на дискотеке упырей. Но что поразило Ди больше всего — ее абсолютное спокойствие.

Ди замер, вцепившись в микрофон, — даже сквозь вой гитар он услышал, как хрустнул ее каблук, наступивший на шприц. Как хруст кости. Рефлекс парамедика заставил его шагнуть вперед, но Никки выдрал из гитары аккорд, и толпа взорвалась, словно вскрытый гнойник.

Как она их нашла? И зачем?

— Кайра, блять, я тебя микрофоном выебу!

Толпа довольно засвистела. Блондинка с прической как у Дебби Харри задрала майку с логотипом «Blondie»¹¹⁶. Ди машинально заценил ее сиськи, мельком отметив, что у рыжей явно лучше. И только потом осознал, что заорал на Кайру в микрофон. Кто-то из толпы закинул на сцену набитый таблетками презерватив. Ди зло пнул его ногой. Презерватив отлетел к барабанам, и горсть разноцветных таблеток рассыпалась по сцене, запрыгав под ногами, как

¹¹⁵ **Сет-лист** — список песен, которые группа планирует сыграть на концерте, обычно в определенном порядке.

¹¹⁶ **Blondie** — американская рок-группа, одна из ключевых на нью-йоркской сцене конца 70-х. Их музыка сочетает панк, диско и поп. К 1985 году группа уже распалась, но их наследие продолжало жить.

леденцы. Но Кайры нигде не было видно, хотя обычно она торчала в первых рядах со своим гребаным «Polaroid». Визг этой серой штуковины был слышен даже сквозь вой гитар.

Сука! Сука! Сука Кайра вовремя смылась! Только от нее Роза могла узнать, что они сегодня выступают.

Роза подняла бокал с коктейлем «Голубая лагуна»¹¹⁷ — напитком для яппи, который бармен наливал только ради издевки. Но Роза даже не притронулась к нему. Длинные пальцы обхватывали ножку бокала, но не для того, чтобы поднести к губам, а скорее как якорь, удерживающий ее в этом бушующем море. Стекло было чистым, без следов помады, конденсат стекал по нему ровными каплями, не тронутый ни одним глотком. Она смотрела на сцену. Не кричала, не прыгала, не курила. Просто смотрела.

Ди снова взглянул на Розу и с трудом удержался, чтобы снова не выругаться. Она выглядела так, будто пришла из другого мира и стояла в клубах дыма, словно светлый луч среди мрака. Он отчаянно захотел спрыгнуть со сцены и увести ее наконец из этого дерьма.

— Трахнем Сатану! — завыл Никки, прижимая гриф гитары к члену. — А ты, Ди! — он указал на него своим крестом. — Ты засадишь им всем по самые гланды!

«Секс с Сатаной». Его любимая песня. Они сварганили ее с Никки на кухне, после первой в жизни затяжки крэка. Черт, тогда их вывернуло наизнанку. Никки за пару часов набросал текстов на три альбома — бредовых, даже для их уровня.

Помнится, в ту же ночь... Пока Никки, краснея до корней волос и нервно роняя мел, пытался вывести пентаграмму на линолеуме кровью из порезанного пальца (где-то вычитал, что так «правильнее»), Ди трахал Кайру прямо на этом священном для Никки символе. Она орала так, будто ее и правда режут, а не трахают, подбадривая Никки: «Давай, сатанист ебаный, черти ровнее! А то твой демон споткнется!».

Потом, когда Ди отполз к стене, запыхавшийся, а Кайра затянулась сигаретой, лежа посреди почти ровного пятиугольника, Никки, все еще красный, как рак, и нажравшийся до зеленых чертиков, вдруг решил, что ритуал требует завершения. Он схватил ритуальный нож (кухонный тесак, согнутый от попыток открыть им банки) и, заикаясь от возбуждения и страха, объявил: «Д-дух Асмодея требует ж-жертвы! П-принесем ему ш-шлюху!»

Ди — захлебываясь истеричным смехом от адреналина и вещества — вдруг решил, что это гениально. Его обычное «отвали» утонуло в наркотическом угаре.

Они с Никки, хохоча как ненормальные, попытались привязать Кайру к стулу скотчем, пока она материлась и швыряла в них окурками. Ди больше спотыкался и ржал, чем реально помогал, его пальцы без конца скользили по скотчу. Жертвоприношение сорвалось, когда Кайра лягнула Никки в пах, а он, скорчившись, блеванул ей на ноги. Ди, увидев это, рухнул на пол и закатился новым приступом дурацкого смеха, совершенно забыв про «духа Асмодея».

Впрочем, все кончилось тем, что Кайра так и не свалила из их квартиры. Более того — она цинично присвоила себе комнату Никки, начав таскать туда всяких отморожков. А Никки, краснеющий и заикающийся при виде ее полуголых «гостей», был вынужден перебраться в закуток к Питеру, завесив свой угол простыней с намалеванной козлиной головой Бафомета¹¹⁸. Его первая попытка ритуального жертвоприношения обернулась изгнанием.

— Смотрите! — пронзительно засвистел Никки, вскрывая бритвой ладонь. — Кровь для князя тьмы!

¹¹⁷ **Коктейль «Голубая лагуна» (BlueLagoon)** — сладкий алкогольный коктейль ярко-голубого цвета на основе водки, ликера "Кюрасао" и лимонада. Считался "гламурным", "женским" напитком, символом безвкусного мейнстрима. В панк-клубе его наливают только ради издевки.

¹¹⁸ **Бафомет** — символическое божество, которое, по слухам, почитали тамплиеры; в XIX веке стал ассоциироваться с сатанизмом. Изображается как козлоподобная фигура с крыльями.

Алая струя брызнула на гитару. Никки провел по струнам окровавленными пальцами, выдавая звук, похожий на крик затравленного зверя. Его глаза закатились, показывая белки, а изо рта вырвалась пена — то ли фэйковый припадок, то ли настоящая одержимость.

Одержимость Никки передалась Ди. Музыка заполнила его, и он начал петь, но в этот раз слова звучали иначе. Неправильно, ненормально...

Гитара Никки взвыла. Ди вдохнул — воздух пахнул пережженным усилителем и... ромом. Сладковато-терпким, удушающим, как в том баре на 53-й, где он чуть не сгорел заживо. Его голос звенел на октаву выше обычного, будто кто-то подкрутил ручку скорости на магнитофоне.

Соло. Струны визжали гвоздями по стеклу. Ди зажмурился и шагнул вперед — пол прогнулся, липкий от чего-то теплого. Не пива. Кровь? Не смотреть вниз. Не смотреть.

Вдох! Ди вцепился за микрофон. Боль!

Ди упал на колени, ловя в воздухе обрывки:

— Дэниэл Баркли? Меня зовут Розмари Стоун, я невеста Дерека...

— Сыграй... пожалуйста...

— Ты играешь... как будто завтра... не существует...

Толпа превратилась в месиво из кожаных курток и неоновых браслетов. Он прыгнул. Толпа расступилась. Ноги увязли в чем-то вязком. Не смотреть вниз. Смотреть только на нее.

Ее губы оказались липкими от сахарного сиропа. Ди впился в них, сдирая зубами помаду, сорвал с нее чертову блузку, растрепал идеальную прическу. Сладость. Боль. Он укусил ее за губу, и кровь смешалась со вкусом рома — или это его собственная губа? Ди лизнул уголок ее рта — вкус крови и внезапно кокса. Ее руки обвили его шею, пальцы впились в затылок, притягивая ближе.

Аплодисменты грохнули, как обвал в метро. Ди схватился за микрофонную стойку. Его губы жгло — он провел языком по нижней губе, нащупав знакомый шрам от потасовки в «CBGB».

Звук вернулся рывком — свист блондинки, хриплый смех Никки, лязг пустой бутылки о пол. Ди моргнул. На ладони дрожал обгоревший медиатор — треснувший череп смотрел на него пустыми глазницами.

Роза стояла у бара. В трех метрах. Нет — в десяти. Ее белый костюм сливался с отсветом неона, волосы аккуратно убраны. Никаких следов его пальцев. Никакой крови на губах.

Боль вонзилась в язык — он прикусил его, пытаясь вернуть сладость того поцелуя. Кровь оказалась реальной.

Он доиграл концерт, механически выкрикивая строчки про героин и анархию, будто читал инструкцию к дефибрилятору¹¹⁹. Никки окончательно раздолбал гитару, а Питер тыкал в него палочкой за пропущенные куплеты.

Когда последний аккорд смолк в грохоте барабанов, к Ди тут же подошел менеджер клуба — тощий тип в коже и с цепью на груди — и сунул ему в руку тонкий, но ощутимый конверт.

— Твоя доля. Не пропивай сразу, — хрипло бросил он, растворяясь в дыму. Ди сунул конверт во внутренний карман куртки, не глядя, но груз бумажек прижался к ребрам, как обещание завтрашнего завтрака. Утро без денег было позади.

В бывшем чулане для швабр, который все гордо и с издевкой именовали «гримеркой»¹²⁰, Никки, как всегда, швырнул пустую бутылку об пол, крича: «Это для Рейгана, уебка! Слава

¹¹⁹ **Дефибрилятор** — медицинский прибор, используемый для восстановления сердечного ритма при остановке сердца или фибрилляции (хаотичных сокращениях). Подает мощный электрический разряд. В работе парамедика — один из ключевых инструментов спасения.

¹²⁰ **Гримерка (гримерная комната)** — в обычном понимании — помещение за кулисами театра или концертного зала, где артисты гримируются, переодеваются и отдыхают перед выходом на сцену и после выступления. *Важно для понимания эпохи:* В андеграундных панк-клубах типа CBGB никаких отдельных гримерок для групп часто не существовало, группы

Сатане!». Питер, сидевший на ящике из-под пива, уже изрядно наклюкался и бессмысленно уставился в стену в стену, на которой чьей-то помадой было выведено «NO FUTURE». Он пытался затянуться сигаретой, но она давно погасла.

На продавленном диване, из которого ключьями лез грязный поролон, валялся Джо и крутил в руках кассету с надписью «Репетиция 28.10»

— Ты похож на говорящий труп, — он швырнул Ди банку теплого пива. Тот поймал ее и сделал долгий глоток, машинально, почти не чувствуя вкуса. — Вчерашняя смена была жесткой? Или опять Кайра выебла тебя до дыр?

На единственном подоконнике с выбитым стеклом, залепленном изолентой, сидела Джесси. Она курила самокрутку, и ее рыжие волосы, собранные в беспорядочные пучки а-ля Боуи¹²¹, казались единственным ярким пятном в этой серо-коричневой клоаке. Ее хищный взгляд скользнул по Ди, выискивая слабину.

— Кайра сказала, ты милую сестренку приволок, — Джесси ухмыльнулась, выпуская идеальное кольцо дыма. — Интересно, из какой параллельной вселенной? Потому что в нашей, в Шорт-Хиллз, у тебя, как мы оба помним, сестер не водилось. Никогда. Не похожа на твой тип, кстати.

— Она не мой тип, — рявкнул Ди, намеренно громко, чтобы заглушить голос в голове: Ложь. Ложь. Ложь. — Где Кайра?

— Свалила с каким-то чуваком — сам так себе, но футболка! — Джесси лениво затянулась, ее взгляд на секунду оживился, как у художника, изучающего диковинный экспонат. — Криво нарисован перевернутый Энди Уорхол с подписью «POP IS DEAD»¹²², — она смаковала абсурдность принта, ухмыльнувшись, и передала косяк мужу. После травки она всегда становилась душкой, но сейчас в ее глазах светился чистейший яд. — А вот к твоей милой родственнице... — она язвительно подчеркнула это слово, — ...Дон уже клинья подбивает. Говорит, пахнет как ангел в борделе. Гляди, уведут твою куколку.

Никки рисовал кровью из своих порезанных рук крест на щеке, бормоча что-то о «жертве Астарте»¹²³, но Ди уже выскочил в коридор, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

На сцене орала какие-то позеры. Солист в обтягивающих красных кожаных штанах визжал так, будто его действительно кастрировали. Ди сжал кулаки — он бы с удовольствием помог этому беловолосому ублюдку избавиться от лишнего. А лишнего у того, по мнению Ди, было предостаточно.

Роза все еще стояла у бара, белая блузка сияла под тусклым светом неоновых ламп, как маяк в этом ублюдском море кожаных курток и потных футболок.

Дон МакГит, в косухе с нашивкой «AC/DC», облокотился над ее стулом. Его пальцы в шипастых перчатках скользили по рукаву ее белого костюма, оставляя грязные следы.

— Эй, куколка, — сиплый голос Дона пробивался сквозь грохот музыки, — одинокие ангелы тут долго не задерживаются. Хочешь узнать, как развлекаются настоящие мужики?

Ди знал Дона.

Знал слишком хорошо.

поднимались на сцену из зала. Максимум, что могло быть — чулан, подсобка или просто закуток за сценой.

¹²¹ **Боуи** (Дэвид Боуи, **David Bowie**) — легендарный британский рок-музыкант, актер, икона стиля. На протяжении карьеры постоянно менял образы. В первой половине 80-х его прически и макияж (яркие, небрежные, асимметричные) копировали миллионы. Упоминание «а-ля Боуи» — точная характеристика модного панк- и нью-вейв образа.

¹²² **Энди Уорхол** (**Andy Warhol**) — знаменитый американский художник, ключевая фигура поп-арта. Футболка с надписью «POP IS DEAD» (Поп-арт мертв) — ироничный протест против коммерциализации искусства.

¹²³ **Астарта** — древняя богиня плодородия и войны (Финикия, Ханаан). В европейской оккультной традиции иногда отождествлялась с демоническими сущностями.

Они бухали вместе в подвалах, дрались в переулках, делили дешевый кокаин в вонючих туалетах «CBGB». У Дона всегда были самые отвязные телки — те, что курили, не вынимая сигарет изо рта во время секса, те, что смеялись, когда он швырял их в стену, те, что оставляли следы когтей на его спине и требовали «еще».

Ди и сам не чурался рискованных связей — в темных углах клубов, в засанных туалетах, в грязных квартирах, где пахло чужим потом и дешевым парфюмом. Но сейчас, глядя, как перчатки Дона пачкают белый рукав Розы, Ди чувствовал незнакомый холод в груди.

Роза не была из тех.

Она не засмеялась бы, если бы ее швырнули в стену.

Не оставила бы следов когтей.

Не сказала бы «жестче», когда боль становилась невыносимой.

Она была другой.

Поэтому сейчас Ди был совсем не рад видеть Дона.

Особенно рядом с Розой — этой хрупкой, нелепой фигурой в белом костюме, который уже успел покрыться пятнами от дыма и пива.

Особенно с его братцем Крисом, который стоял чуть поодаль, медленно жуя жвачку и оценивающе оглядывая Розу — не как женщину, а как вещь. Как добычу. Будто прикидывал, сколько она может стоять на черном рынке, если разобрать на органы.

— Руки прочь от моей сестры, убьки, — Ди втиснулся между ними, почувствовав дрожь в кулаках. Запах текилы от Дона ударил в нос — тот был пьян в стельку.

Крис фыркнул, поправляя красную бандану на лысеющей голове:

— С каких пор у тебя сестра из яппи-гетто?

— С тех пор, как ты отсосал у своего босса в порту. Руки убрали!

Пиво из банки Криса выплеснулось на белую блузку Розы, оставляя желтые пятна. Ди ждал вздрагивания, отпатывания, хоть тени недовольства на ее лице — но ничего. Она лишь слегка посмотрела на пятно, как на случайный дефект картины в музее. Ди, стиснув зубы, шагнул вперед, но Дон был быстрее:

— Ой, простите, принцесса! — он наклонился к ее уху, но сказал громко, чтобы слышали все: — Может, сниму с тебя все? Все равно уже мокро...

Ди заметил, как Роза сжала край стола — ее ногти впились в дерево.

«Сестра. Только сестра», — снова и снова твердил он себе, чувствуя, как эта мысль режет изнутри острее любого ножа.

Но тело двигалось само: он схватил Дона за воротник, прижав к стене с постером «The Clash».

Ди помнил, как Дон когда-то вытащил его из драки с копами. Помнил, как делили последнюю пачку сигарет, поджигали мусорные баки, прятали окровавленные ножи в канализацию. Помнил, как смеялись над кровью на руках, будто это краска.

Но сейчас это не имело значения.

Удар пришелся в солнечное сплетение. Дон рухнул, выплюнув слюну с кровью. Крис рванул вперед, но Ди, захватил его руку в замок:

— Сломаю, — прошипел он, чувствуя, как связки Криса дрожат под пальцами. — Пульс 120. Бледность. Трясешься. Крэк или спид¹²⁴?

— Дэниэл, хватит! — Роза вцепилась ему в плечо. Ее пальцы дрожали — тонкие, холодные, совсем не как у тех девушек из его вызовов. — Все в порядке!

Имя впилося в висок, как ржавый гвоздь. Он оттолкнул Криса, резко развернулся, сжав ее запястье так, что нежная кожа под пальцами тут же покраснела:

¹²⁴ Спид (speed) — сленговое название амфетаминов, стимуляторов, вызывающих возбуждение и агрессию.

— Меня зовут Ди, — прошипел он, сжимая ее руку. — Никогда. Слышишь? Никогда. Никогда не называй меня Дэниэлом!

Дон плюнул кровью на пол:

— Ты что, влюбился в эту шлюху?

Слово «шлюха» повисло в воздухе. Роза замерла. Совершенно неестественно, как будто кто-то нажал паузу на ее личном магнитофоне. Ди увидел, как вздрогнул Крис — тот, кажется, наконец осознал, что братану не до шуток. Но было поздно.

— Повтори, — Ди услышал свой голос будто со стороны — как скрип тормозов перед аварией.

— Шлю...

Удар в челюсть снова отправил Дона на пол. Костяшки Ди треснули, разбиваясь о зубы, но боль притупилась — адреналин, знакомый как собственное дыхание, уже пожирал все. Крис рванулся в сторону, но Ди поймал его за шиворот, швырнув в стену.

— Следующее слово — и ты задохнешься в собственной крови, — он наклонился к Дону, вцепляясь пальцами в его косуху. — Понял, ублюдок?

Роза схватила его за запястье:

— Ди...

Он дернулся, как от удара током. Не Дэниэл. Ди. Но ее пальцы сжались сильнее, и его имя вдруг прозвучало как спасательный круг.

Оно звучало... странно. Не как мольба остановиться. Не как испуг.

Как благодарность.

Как будто он, сам того не зная, защитил ее от чего-то гораздо худшего, чем пьяный дебош.

— Мы уходим, — прохрипел он, грубо расталкивая локтями застывших у бара зевак. Его взгляд с ненавистью скользнул по парочке в новеньких, с иголки, майках Bon Jovi¹²⁵ — они пришли слушать не панк, а этих выхолощенных ублюдков на сцене. Позеры.

Ночь встретила их холодным ветром с Ист-Ривер¹²⁶. Неоновая вывеска «Palace Hotel»¹²⁷ рядом с клубом «CBGB» мигала через дорогу, окрашивая лужи в сиреневый. В воздухе висела смесь жареных хот-догов, дешевого парфюма и марихуаны. У стены соседнего клуба парочка в кожаных куртках и рваных джинсах занималась сексом, их стоны сливались с завываниями Брюса Спрингстина из динамиков. Ди фыркнул: «Born in the USA»¹²⁸ — гимн для идиотов, которые не поняли сарказма.

Роза поежилась, обхватив плечи. Ее белая блузка промокла насквозь, обнажив кружевной лифчик. Ди резко отвернулся, сдирая с себя кожаную куртку — ту самую, купленную в 1975-м на первые деньги с подпольных концертов.

— Мое пальто осталось внутри... — начала она, поправляя рукав с заклепками.

— Забей, — Ди отвернулся, чтобы не смотреть, как куртка облегает ее грудь. Его куртка. Та, в которой он спал на вокзалах, хоронил друзей от передоза, целовал Кайру в подъездах. А теперь она скрывает кружевной лифчик этой... сестры.

Черт. Ди устало растер лицо руками. В его куртке она выглядела как панк-принцесса — невинная и развратная одновременно. Строгая прическа растрепалась, прядь волос упала на

¹²⁵ **Bon Jovi** — американская рок-группа, исполнявшая мелодичный хард-рок («арена-рок»). Для панков они были олицетворением коммерческой, «выхолощенной» музыки, которую они презирали.

¹²⁶ **Ист-Ривер (East River)** — пролив, отделяющий Манхэттен от Бруклина и Квинса. На набережной Ист-Ривер располагалось множество клубов и промышленных зданий.

¹²⁷ **Palace Hotel** — реально существовавшее здание рядом с клубом CBGB, дешевая гостиница, популярная среди музыкантов и панков.

¹²⁸ **Брюс Спрингстин (Bruce Springsteen)** — американский рок-музыкант, «голос рабочего класса». Песня «Born in the USA» (1984) — его суперхит, часто ошибочно воспринимаемый как патриотический гимн, хотя текст содержит горькую иронию и критику отношения к ветеранам Вьетнама. Ди называет ее «гимном для идиотов», так как считает, что слушатели не понимают сарказма.

щеку, и он вдруг представил, как закусывает ее нижнюю губу, пока она стонет, прижатая к стене...

Роза вытащила из сумочки белоснежный платок с вышитыми инициалами «R.S.», будто достала кусочек облака из ада. Платок пах цветами и дорогим мылом — запах, который резанул Ди сильнее, чем вонь перегара из клуба. Ее пальцы обхватили его окровавленную ладонь с той же аккуратностью, с какой он когда-то извлекал шрапнель из раны напарника — будто одно неверное движение разорвет что-то хрупкое навсегда.

— Ты часто так... — ее пальцы скользнули по разбитым костяшкам, — спасаешь девушек? — ее голос звучал ровно, но в углу рта дергался почти незаметный нерв.

Ди вздрогнул, будто ее прикосновение било током. Внутренний голос кричал: Сорви с нее все. Прижми к стене. Заставь стонать громче, чем эта долбаная музыка. Но он стоял, вжавшись спиной в кирпичную стену, покрытую слоями афиш — Talking Heads, Ramones, его собственной группы. Где-то под ними был автограф 1982 года: «Fuck the system! — Д.Б.»

— Это не спасательство, — он хрипло рассмеялся, наблюдая, как алая капля пропитывает монограмму на платке. — Просто Дон — мудака. А мудаков надо ставить на место.

Блять! Нужно наконец отправить ее домой, под бочок к Дереку, вернуться в клуб, трахнуть ту рыжеволосую сучку и забыть этот вечер как кошмарный сон.

— Ты отличный старший брат, — она запрятала окровавленный платок обратно в сумочку, достала помаду и, не глядя, подвела губы. Ди следил за движением ее руки, представляя, как эти же пальчики скользят по его ширинке. — Дереку повезло.

Ди хмыкнул и похлопал по карманам в поисках сигарет. Повезло, как же. Дерек был бы рад, если бы его не существовало. Впрочем, он для Дерекы и так не существовал. А вот он не мог, не мог сделать вид, что братика не существует. Сука! Он достал наконец сигареты и закурил.

— Зачем ты сюда приползла? — спросил он, выдыхая дым ей в лицо. Пусть испугается. Пусть свалит.

Роза наоборот придвинулась ближе, ее духи с запахом ландышей и дождя перебивали запах гнили из ближайшего мусорного бака.

— Я хотела услышать вас. Ты так играл тогда! А еще хотела извиниться за тот ужин. Мы же все-таки семья. Бабушка Глэдис...

— Не надо, — он отшатнулся, будто она предложила героин. — Меня уже давно ничего не связывает с семьей. Я для тебя случайный мудака, поняла?

Она замолчала, но ее глаза уперлись в него с упрямством, которое он видел только у наркоманов, не желавших в больницу. Внезапно она рванула вперед, прижавшись грудью к его руке:

— Но семья — это...

— Семья — это гниль под золотой оберткой, — он бросил окурок в лужу, где плавал использованный презерватив. — Ты скоро сама убедишься.

Она вдруг схватила его за руку, и мурашки побежали к локтю.

— Давай выпьем! Вон там есть...

Ди схватил ее за плечи, вдавив в стену с афишей нового фильма «Назад в будущее». Куртка сползла, обнажив ключицу. Тонкую. Хрупкую. Как у той девочки, которую он не смог спасти на вызове месяц назад.

— Ты вообще поняла, где оказалась? — его голос прозвучал хрипло, горячее дыхание смешалось с запахом ее духов.

«Ну давай, принцесса, покажи свою крутость», — пронеслось у него в голове, когда он увидел, как дыхание участилось.

Она вдруг застыла. Совсем. Ди почувствовал, как под его пальцами ее тело стало деревянным — не сопротивление, а полная капитуляция мышц.

Ее пальцы вцепились в его рубашку, но не отталкивали — просто дрожали. Ди почувствовал, как ее сердце бешено колотится.

«Испугалась по-настоящему», — с удовлетворением отметил он.

— Здесь не твой зефирный Спрингфилд! — он ткнул пальцем в сторону алкаша, блевавшего в урну. — Здесь тебя могут прижать к стене по-настоящему. Раздеть. Использовать. И никто даже бровью не поведет.

Ее зрачки расширились, но она не отводила взгляд. Слишком гордая, чтобы признать страх. Ди фыркнул — какая же она предсказуемая.

Когда он отпустил ее, она выскользнула с грацией, которой позавидовала бы любая уличная шпана.

— Я просто... — ее голос дрогнул, но она тут же взяла себя в руки, поправив сползшую куртку.

Ди почувствовал странное раздражение. Богатая девочка, испугавшаяся реального мира.

— Просто сваливай к Дереку, — он поймал такси, врубившее «Burning Down the House» на полную громкость. Швырнул водителю двадцатку с портретом Джексона.¹²⁹ — И больше не появляйся.

Она полезла в сумочку, доставая ручку и небольшой блокнот.

— Мой номер, — протянула записку. — Звони, если что...

Ди сунул бумажку в карман джинсов, не глядя. Куртка. Она сняла ее, собираясь отдать, но он резко накинул ее обратно:

— Носи. Меньше внимания к своим сиськам привлечешь, — бросил он, но она не отпрянула, не оскорбилась.

Вместо этого — этот чертов смех, звонкий, как разбитая бутылка о бетон.

И затем — объятие.

Его тело окаменело. Не от отторжения — от шока.

Ее руки обвили его шею не как у Кайры — цепко и требовательно, а так, как он представлял себе в ванной всего два часа назад: легко, уверенно. Тепло. Тепло, которое он отчаянно пытался вообразить, упираясь в ржавую раковину. Оно было реальным. Грудь, мягкая и упругая, прижалась к его ребрам — не в пошлой фантазии, а здесь, на грязной улице, среди вони мусора и звуков «Burning Down the House». Ее дыхание коснулось его шеи — горячее, предательски живое.

Ди замер, как будто его ударили током. Весь мир перевернулся.

Это... это то самое. То, что он нарисовал в своем воспаленном мозгу у зеркала. Тот самый запах — не духов, а чего-то теплого, печеного. Корицы? Шоколада? Запах дома. Того, которого у него никогда не было. Он вдыхал его, и комок, знакомый по ванной, снова подкатил к горлу. Его руки повисли в воздухе — кулаки, которые только что били Дона, теперь дрожали от нелепого желания... обнять в ответ? Прижать ее к себе так же отчаянно, как он мечтал, глядя на свое отражение?

— Спасибо, Ди, — она прошептала прямо в ухо, и ее дыхание обожгло кожу.

Ее голос был тихим, но в нем не было ни страха, ни фальши. Как будто она действительно... благодарна. За... что? За то, что он был рядом? За то, что он оказался тем, кем она, видимо, решила его считать?

Это было слишком. Слишком близко к его больной фантазии. Слишком чисто для его грязного мира. Слишком похоже на спасение, в которое он не верил.

Он резко отстранился, но было поздно — запах ее духов уже въелся в его футболку, в кожу.

¹²⁹ 20 долларов с портретом Джексона — на купюре в 20 долларов изображен седьмой президент США Эндрю Джексон. Ди швыряет водителю крупную по тем временам сумму.

— Давай уже вали, — буркнул он, отворачиваясь, чтобы она не увидела, как его пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки.

— Береги себя, — сказала она, и в ее голосе была такая искренность, что Ди на мгновение потерял дар речи.

Такси уехало, оставив его с обжигающим воспоминанием ее прикосновения и запахом ее духов на футболке. Без куртки было холодно, но холод внутри был глубже. Он стоял, непроизвольно прижимая ладонь к тому месту на груди, куда она прижалась. Он представил, как Роза снимает ее в такси, как ткань скользит по ее плечам, как оголенная шея мерцает под уличными фонарями...

— Сучка, — резко дернул головой, будто отгоняя муху. Но образ не исчезал. Ее губы — не обветренные, как у Кайры, а мягкие, покрашенные розовой помадой. Грудь, приподнятая кружевным лифчиком, который он видел сквозь мокрую блузку.

«Невеста Дерека. Сестра. Сестра. Сестра».

Но почему-то эти мысли уже не работали. Потому что он помнил, как она обняла его — не как «сестра», не как «невеста Дерека», а просто как... друг.

Обняла так, как он тайно мечтал, чтобы его обняли — без требований, без осуждения, без расчета. Как будто он был просто человеком. Достойным простой человеческой близости. После всего. После его грубости, после того, как он намеренно пугал ее, пытался выгнать, оттолкнуть.

Он потрогал воротник, где остались следы ее помады. «Сотрется», — соврал себе, направляясь обратно в клуб. Рыжая, та самая, с шикарными сиськами, уже ждала его у бара.

— Ди-Ди! — она обвила его шею руками, пахнущими пивом и потом. — Где пропадал?

Он прижал ее к стене с постером «The Cure», впиваясь губами в ее губы, стараясь заглушить этот чертов привкус дорогих духов, что все еще витал вокруг него. Но даже когда ее язык, пахнущий дешевым джином, навязчиво полез ему в рот, перед его глазами стояло другое лицо.

Как Роза она обняла его, даже несмотря на его грубость. Как ее пальцы дрогнули, коснувшись его окровавленных костяшек. Как она сказала «спасибо» — не за спасение, а просто за то, что он был рядом.

— Давай жестче! — прохрипела рыжая, впиваясь ногтями ему в спину.

Ди резко отстранился, с раздражением вытирая рот. В голове стучало: «Невеста Дерека. Сестра. Сестра. Чертова сестра».

— Вали. Не в настроении.

— Ты чего, больной? — она фыркнула, поправляя топ с вырезом до пупка.

Он уже шел к выходу, снова на улицу. Достал из кармана смятый номер. Бумага была влажной от его потных пальцев.

«Всего одна встреча», — попытался убедить он себя. — «А уже ведешь себя как сопливый подросток»

Но когда он закрыл глаза, то снова увидел ее - не испуганную, не дрожащую, а смотрящую ему прямо в глаза, когда говорила «Береги себя».

Как будто он действительно был тем, о ком стоит беспокоиться.

— Идиот, — Ди скомкал бумагу, но вместо мусорного бака засунул ее номер в кошелек рядом с карточкой парамедика.

Его смена через четыре часа. Надо протрезветь. Даже мысль об увольнении была холоднее ветра. Если он потеряет работу, то они все окажутся на улице — именно его зарплата была единственным стабильным источником прибыли.

Он зашел в круглосуточный «7-Eleven»¹³⁰, купил колу и мятную жвачку. За прилавком транслировали бокс по телеку — Тайсон¹³¹ лупил какого-то бедолагу. Ди разом выпил газировку, морщась от химической горечи.

— Еще кофе, — бросил он доллар с портретом Вашингтона.

— Тебе бы сон, а не кофеин, красавчик, — подмигнула ему продавщица, ставя перед ним стаканчик с черной жижей.

Ди хмыкнул и выпил залпом, обжигая язык.

На улице он сел на крыльцо, прислонившись к граффити с надписью «Reagan Smells Like Death»¹³². Холодный бетон леденил через джинсы, но он терпел. «Протрезветь. Работа. Работа. Работа». Номер Розы в кошельке жег огнем, но Ди упорно старался о нем не думать. Работа. Сейчас только это важно.

¹³⁰ **7-Eleven** — крупнейшая международная сеть круглосуточных магазинов шаговой доступности. В Нью-Йорке 80-х такие магазины работали 24/7 и часто становились местом сбора маргиналов.

¹³¹ **Майк Тайсон (Mike Tyson)** — американский боксер, абсолютный чемпион мира в тяжелом весе. В 1985 году он начал свою профессиональную карьеру, быстро став знаменитым нокаутером. Бой по телевизору — типичная картина в забегах того времени.

¹³² «**ReaganSmellsLikeDeath**» («**Рейган воняет смертью**») — граффити, отражающее ненависть панков к политике президента Рейгана (гонка вооружений, социальное неравенство, полицейский произвол).

Глава 5

Вода была ледяной. Чертовски ледяной. Сука. Должно прочистить мозги. Ди засунул голову под кран, чувствуя, как струйки затекают за воротник. Сука, сука! Ди разогнулся и плеснул воды в лицо, но пальцы не слушались — дергались, как у покойника на дефибриляторе.

«Иди проспись, уебан, — бросил ему Уолт, хлопая дверью туалета. — Смену я без тебя сдам¹³³. А ты трахни свою медсестричку и кончай ныть».

Стены кафельные, битые — трещины будто шрамы от ножа. Зеркало над раковиной мутное, с надписью «Fuck Reagan» баллончиком. Ди уперся ладонями в края раковины. Вода текла, смешиваясь с потом на висках. Гул вентиляции — как дыхание мертвеца. Флуоресцентные лампы застыли в мерцании, отбрасывая резкие тени, а их холодный свет высвечивал желтизну потолка, покрытого пятнами от протечек. Вонь хлорки резала ноздри, но сквозь нее пробивался металлический запах крови. Все как в той квартире в Бронксе, где они нашли того парнишку.

¹³³ «Смену я без тебя сдам» — рабочий ритуал парамедиков. После завершения вызова (или смены) бригада скорой помощи не остается в госпитале, а обязана вернуться в **гараж (депо)** своей станции. Уолт предлагает Ди не возвращаться на станцию, а поехать домой отсыпаться («иди проспись»). Он берет на себя обязанность сдать смену за двоих — оформить бумаги и подготовить машину. Это возможно, если напарники доверяют друг другу и начальство закрывает глаза на нарушения (или если у них нестрогий контроль). Фактически Уолт прикрывает Ди, потому что видит, что тот в нерабочем состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.